

The background of the cover is a detailed illustration of a man and a woman in a garden at night. The man, on the left, has light brown hair tied in a bun and is wearing a dark purple suit with a white shirt and a light blue cravat. He holds a single pink rose in his right hand. The woman, on the right, has long dark hair and is wearing a white, tiered, Victorian-style dress with a pink sash. She holds a glowing, golden orb of light in her left hand. They are standing in a garden with stone pillars, pink roses, and a path leading into the distance. The overall mood is romantic and mysterious.

Колдовские
миры

ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА К БЕДЕ В СВЕТОМ ЗАМКЕ

МАРИНА
ЕФИМИНЮК

ЛУЧШИЕ
ВРАГИ

Марина Владимировна Ефиминюк
Лучшие враги
Серия «Колдовские миры»
Серия «Тёмные и
Светлые маги», книга 2

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66391154
Лучшие враги : Эксмо; М.; 2021
ISBN 978-5-04-158873-1

Аннотация

Долгожданное возвращение домой обернулось полной катастрофой. Меня решили выдать замуж за старого врага! Он дерзок, язвителен и подмечает малейшие промахи. Но и я давно не дрожащая девчонка, загнанная в шкаф противными кузинами, а темная чародейка с собственными принципами. И если жених не отказывается от помолвки по-хорошему, то заставлю его по-плохому! Фантазии и хитрых заклятий у меня в избытке. Одного не пойму: почему мне нравится с ним воевать, но совершенно не хочется его проклинать? Какой неожиданный, смущающий признак...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Возвращение без запасного плана	10
Глава 2. Запасной план злодейки	50
Глава 3. Охотница за привидением	88
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Марина Владимировна
Ефиминюк
Лучшие враги

© Ефиминюк М.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Прятаться в шкафу было плохо: места мало, дверцы закрывались неплотно, и появлялась реальная угроза оказаться пойманной. Недавно я нашла новое убежище за козеткой в стенной нише. Козетка давно на ладан дышала и в галерее стояла исключительно для заполнения места. Я уже два раза за ней укрывалась, и ни разу не поймали. Жаль, что сегодня не успела добежать.

Дверь классной комнаты раскрылась неожиданно, с тревожным скрипом. Я поджала коленки к подбородку и ненадолго затаила дыхание, стараясь получше расслышать шаги: тяжелые, легкие, стучат ли каблуки? Кто это вообще явился и по мою ли душеньку?

Человек ходил туда-сюда, выдвигал ящики, открывал полки – видимо, что-то искал. Без раздражения, неторопливо. Вдруг он остановился напротив моего убежища и заслонил собой тонкую полоску света, пробившуюся сквозь щелку между створками.

Господи, пусть он просто пройдет мимо. Очень-очень прошу!

С высшими силами у нас никогда диалог не складывался: они или страдали глухотой, или игнорировали именно меня. В этот раз молитвы вновь не помогли, и дверцы резко раскрылись. В шкаф хлынул чистый дневной свет классной

комнаты.

От внезапной острой паники я отпрянула к стенке, инстинктивно стараясь увеличить расстояние между собой и тем, кто меня обнаружил. Однако тайник раскрыла вовсе не кузина Эбигейл и даже не кузен Вайрон, у которого появлялось буквально собачье чутье, когда дело касалось поисков «трусишки Энни». Сверху вниз колючим взглядом меня изучал воспитанник деда Парнаса.

Высокий, худощавый, русые волосы собраны в небрежный пучок, заколотый деревянной палочкой-булавкой. В мочке уха висела сережка, как у девчонки. Я не очень-то понимала, зачем парню в ухе кольцо, но не мне, честно говоря, судить. Если бы он вставил сережку в нос, ему бы и слова никто не сказал. Кaleb Грэм не был нам даже дальней родней – посторонний мальчик, после смерти его родителей привеченный в замке. Он и вел себя как посторонний, но в отличие от меня, его любили и никогда не называли «приблудышем».

Вообще, он здесь почти не жил – второй год учился в магической академии и приезжал только на каникулы. Я слышала, как кузина Арветта говорила, будто Кaleb чудовищно красивый. Не знаю, что насчет красивого, но мне он точно казался чудовищем. Пусть он и умел притворяться нормальным получше остальных, монстра, живущего внутри, выдавал холодный, высокомерный взгляд. И я старалась держаться от приемыша подальше. Даже сейчас хотелось выдавить лопатками стенку шкафа, чтобы увеличить дистанцию.

– И долго ты собираешься прятаться в шкафу, Эннари? – тихо спросил он.

Долго, всю жизнь! Безмерно люблю замкнутые пространства.

А еще мы оба знали, что в это замкнутое пространство меня заставила спрятаться вовсе не веселая игра в прятки с кузенами. Если из всех детей Истван только у *нагулянной* внучки великого светлого мага Парнаса пока еще не пробудился дар, то пиши пропало! В нашей замке, как на петушиных боях, выживал сильнейший, а я была самая слабая...

И приبلудная.

Вот же заклинило! Это от сильного нежелания оказаться выданной.

Из коридора донесся безнадежно ломающийся голос Вайрона:

– Эбби, уверен, я ее видел где-то здесь! Может, она забежала в классную комнату?

Калев обернулся через плечо, потом вопросительно посмотрел на меня. Я кусала губы и мысленно молила, чтобы он промолчал. Не надо помогать, не надо вмешиваться – ничего такого не надо! Просто закрыть шкаф и уйти из классной комнаты, а если вдруг походя проснется человеколюбие, то сбить стаю со следа и отправить куда-нибудь подальше в замковое подземелье. Пусть они там всласть побродят под хоровое всхлипывание Люсиль и Арветты.

– Послушай, – выдохнула я хриловатым шепотом, – ты

можешь просто закрыть шкаф?

Не разрывая зрительного контакта, Калев вытащил с полки над моей головой какой-то учебник и закрыл дверцы. В узкой щелке между створками вспыхнула полоска света, когда он отошел. По наборному паркету прошелестели шаги, скрипнула открытая дверь классной комнаты.

– Калев, ты видел Эннари? – голос у Вайрона был таким же мерзостным, как он сам.

Не выдавай меня! Пожалуйста, пожалуйста, пож...

– Она в шкафу, – бросил этот урод и теперь действительно ушел.

Сердце забилося как припадочное, и нахлынули эмоции. Разные, незнакомые, темные. Не вдохнуть от них и не выдохнуть.

– Тук-тук, – говорила Эбигейл. – Мы идем, трусишка Энни. Ты готова к стрижке? Я взяла самые острые ножницы.

Внутри у меня вдруг стало тихо-тихо. Как перед грозой, когда точно знаешь, что вот-вот рванет гром, и тревожно задерживаешь дыхание в ожидании этого басовитого переката, вызывающего желание броситься в укромное место...

Ярость, как тот самый гром, зарождалась медленно, заворачивалась где-то в районе солнечного сплетения, скопилась, набрала силу, а потом прошла и разум, и тело. Дверцы раскрылись сами собой и, ударив по протянутым рукам Эбигейл, заставили ее с болезненным оханьем отпрянуть от шкафа.

— Что-то вы сегодня долго. — Я не узнала своего голоса, и в обычные дни довольно низкого для одиннадцатилетней девочки. — У меня уже ноги затекли...

А ведь не зря меня не любили в замке! Похоже, родственники подсознательно догадывались, какого цвета дар проснется в приبلудыше покойной чародейки Риэллы Истван, самой непослушной дочери великого Парнаса. Какая, право, ирония: в большой стае прославленных светлых магов, кичащихся чистотой крови, появилась маленькая ведьма!

Глава 1. Возвращение без запасного плана

Как у любого темного мага, у меня давно сложились собственные принципы.

Не одеваться вызывающе.

Мой друг – мой единственный друг – Холт Реграм однажды сказал, что самая пугающая ведьма та, в которой с первого взгляда не распознаешь ведьму. С тех пор единственное, что я себе позволяла из кричащего, – карминовые губы и высокие каблуки.

Отсюда еще один принцип: гибкость принципов.

И последнее! Не верить в приметы светлых чародеев.

Однако по другую сторону магического портала обнаружился Калеб Грэм, и поверье о черных котах, перебегающих дорогу хорошим людям, мгновенно всплыло в памяти. В голове родилась настойчивая мыслишка: «Не к добру», и настроение закономерно испоганилось. Не то чтобы в обычные дни меня мучили оптимизм или человеколюбие.

Калеб, не подозревающий, сколько произошло изменений за те ярды, что мне пришлось преодолеть, чтобы оказаться на расстоянии вытянутой руки, по-прежнему стоял по-военному, заложив руки за спину. Каменный, холодный и непрístupный, как замок Истван, откуда девять лет назад я была

сослана на учебу на другой конец света.

– Добро пожаловать домой, Эннари, – произнес он, не сводя глаз с моих покрашенных кроваво-красной помадой губ.

Пока в академии для темных Деймран я превращалась в колдунью, достойную цвета своей магии, дедовский воспитанник из долговязого парня с серьгой в ухе превратился в привлекательного статного мужчину без серьги. Мне нравились его новые широкие плечи, а старая прическа с небрежным пучком – нет. Еще он был высок, и приходилось поднимать голову, чтобы разглядеть благородное лицо.

– Ты ждал под воротами с рассвета? – впервые за девять лет заговорила я с человеком, из-за которого на долгие годы оказалась выставленной из дома.

– Да.

Я понятия не имела, в каком часу доберусь до перехода из Деймрана, и в письме к деду обозначила только день. Зато дорожные сундуки отправила еще на прошлой неделе, чтобы любимые родственники готовились к моему возвращению. Морально, конечно, а не кидались устраивать генеральную уборку в гостиных. Надеюсь, они уже обнаружили сюрприз.

– Зря Парнас попросил тебя приехать. Не стоило переживать, я не чувствую себя незваной гостьей.

– Он не просил, – коротко произнес Кaleb. – За девять лет город сильно изменился.

– И что, извозчики забыли дорогу в Истван?

Между нами повисло молчание. Прозрачно-льדיстые гла-

за Калеба продолжали оставаться прозрачными и льдистыми. Потрясающее постоянство. И у меня вырвался громкий издевательский смешок.

– Ты всегда такой серьезный? Идем, мне не терпится оказаться дома.

Легкий дорожный саквояж плюхнулся на пол, а я грациозно зашагала в сторону выхода. Кaleb остался на месте, словно с рассвета пустил корни и врос в каменный пол. С некоторым недоумением он смотрел на кожаную сумку.

– Что ты его изучаешь? Он не заколдован, – подогнала я. – Бери и пойдем.

– Разве ты не должна попросить о помощи? – изогнул Кaleb брови.

– Разве? – Я кивнула: – Помоги.

– Пожалуйста, – добавил он.

– Забыла, как это слово произносится на сартарском языке, – улыбнулась я. – К слову, у тебя прекрасные манеры. Научился у супруги?

Он одарил меня выразительным взглядом, подхватил саквояж и кивнул:

– Идем.

– Ты, выходит, не женат? – догадалась я, не пытаясь подстроиться под его уверенные широкие шаги. Пусть сам подстраивается.

– Никогда не был, – сухо бросил он.

– Сожалеешь?

– Нет.

– Тогда почему такой скорбный вид? Тебя бросили у алтаря?

Он быстро огляделся, словно боялся, что на нас будут коситься люди.

– Темные маги всегда бесцеремонные?

– Да ты сноб, светлый чародей Калев Грэм, – издевательски ухмыльнулась. – Мы не виделись девять лет, я просто поддерживаю дружескую беседу. Хотя мы же друзьями не были, да?

– Смотрю, у тебя хорошая память, – хмыкнул он.

– Верно. Память у меня превосходная. – Я рассматривала под высоченным потолком колышущиеся от сквозняка королевские стяги. – Прекрасно помню людей, которые мне не нравятся.

– Я тебе не нравился?

Неужели в его голосе прозвучала насмешка? Почти с восхищением я повернулась к Калеву.

– Нет, но ты красивый. Арветта была права.

Он подавился на вздохе и, кашлянув в кулак, тихо сказал:

– Твои прямолинейные комплименты восхищают.

Я глянула на него с искренним недоумением:

– Ты всегда восхищаешься констатацией фактов? Ты красивый. Ты мне не нравишься. Мы молчим.

– Последнее тоже констатация факта?

– Да.

Пожалуй, этот разговор был самым длинным из тех, что мы вели с момента знакомства. Я посчитала дань хорошим манерам полностью отданной и свернула «дружескую» беседу. Ступить на родную землю впервые за девять лет можно было только один раз. Второго я точно не планировала, поэтому не стоило тратить драгоценные моменты единения на полузабытых врагов. Надо отдать Калебу должное, он погрузился в чудное молчание и талантливо исполнял роль носильщика саквояжа без лишних обсуждений цвета сумочной кожи, удобства ручки и веса содержимого.

Карета с гербом семьи Истван, знаменитого на все королевство ковена светлых чародеев, дожидалась нас напротив раскрытых ворот магического вокзала. Здание представляло собой уныло-серую башню с длинным шпилем, вокруг которого закручивалась спираль из свинцовых густых облаков. От этой тучи свет на улице был сизым и потухшим, словно в середине в общем-то ясного дня народились предгрозовые сумерки.

Прежде чем забраться в карету, я прикрыла глаза и, на секунду затаив дыхание, прислушалась к внутренним ощущениям. Холт говорил, что, ступив на родную землю, я почувствую упоительный прилив сил. Понятно, что темным магам даже темные маги не верят, но вдруг...

Воздух вдруг затрещал, от открытой дверцы кареты ударило ощутимым разрядом, под ногами загудела брусчатка. Чье-то перемещение перехватило бесхозные магические по-

токи! Я сердито задрала голову и сощурилась на дурацкий шпиль, из острия которого в черную воронку бил серебристый луч.

Жаль, вокзал нельзя проклясть. Нет, конечно, можно, если очень хочется. Кто мне запретит? Но ведь загребут в застенок, объявят сумасшедшей и лишат силы.

И я просто забралась в экипаж, проигнорировав протянутую для помощи руку Калеба. Не ради демонстрации независимости и не из гордости – я не страдала подобными глупостями – обычно темным чародейкам старались не подавать руки и вынуждали проявлять самостоятельность. В общем, привычка взяла свое, и рыцарство осталось незамеченным. В отличие от перстня со знаком рода Истван, выгравированным на крупном квадратном рубине.

– Почему ты так на меня посмотрела? – усаживаясь напротив, спросил Калеб.

– Как? – сухо уточнила я, расправляя на коленях платье.

– Нехорошо. Как только что смотрела на башню перемещений.

– Вы очень похожи.

– Она тоже красивая?

– Калеб, напомни, какая у тебя была специализация в магии? – ответила вопросом на вопрос.

Обычно во время перепалок терпение у меня заканчивалось быстрее аргументов и в ход шло какое-нибудь мелкое незаметное проклятие. Но проклинать бывшего врага с по-

рога, даже – так сказать – не попив кофейку, не хотелось.

– Я окончил академию семь лет назад, Эннари, – мягко отбрил он.

– То есть ты уже не помнишь?

– Защитные чары от черной магии, – не лукавя, внес он ясность, что и с памятью у него все хорошо, и со смелостью. Защитные заклęcia не забыл, а темных чародеев не боялся.

– Дивно, – с пресной миной буркнула я и отвернулась к окну.

Экипаж тронулся и покатился по столичным улицам. Стоило отъехать подальше от вокзала, как небо очистилось и появилось предзакатное солнце, медленно оседающее за двускатные черепичные крыши.

Перемещаться в пространстве разрешали только за городской стеной, и экипажу, опутанному порталным заклүтием, приходилось без магии преодолевать заторы. Я в полной мере успела оценить незаметные изменения: девять лет назад здания не помечали магическими знаками светлых или темных. Все жили вперемешку, без разделений, а колдовские лавки ведьм и дворики темных алхимиков соседствовали со знахарскими приемными и мастерскими светлых артефакторов. Не сказать чтобы я сильно взволновалась – в королевстве, приютившем меня на девять долгих лет, ведьмаки и чародеи селились в разных городах и следили за соблюдением границ.

Когда мы наконец выехали на широкий торговый тракт,

воздух вновь затрещал, и карета с сильным толчком переместилась на дорогу к замку, спугнув с засохшего дуба стаю ворон. Те, в свою очередь, подняли негодующий галдеж. Я сама была готова закаркать от возмущения и вцепилась в сиденье, чтобы не слететь под ноги Калеба. Зато сразу стало ясно, почему он уселся спиной по ходу экипажа.

– Что за безрукая скотина накладывала заклятие? – выругалась под нос.

– Парнас.

– Кхм, – глубокомысленно промычала я и, стряхивая с рукава колючие искорки чужой магии, пробормотала себе под нос: – Стареед дед.

– Сейчас самое время, – вдруг произнес Кaleb и подсказал, видимо, не углядев в моем лице понимания, которого в нем, конечно же, не было: – Для вопроса, что происходит в замке.

Знаю я вас, светлых! Сначала с участливым видом предлагаете помощь на грош, а потом выставляете счет на мешок золотых и искренне удивляетесь, почему вас от души проклинаят.

– В смысле, в Истване происходит что-то еще, кроме моего возвращения? – изогнула я брови.

– Ты главное событие, – согласился Кaleb.

– Значит, с остальным разберусь на месте.

Я снова отвернулась к окну, но долгожданный и трепетный момент был упущен: замок, тяжеловесный гигант из се-

рого камня, нависающий над озером Истван и отраженный в нем, как в чистейшем зеркале, уже возник. А так хотелось проследить за его величественным появлением из-за холма!

Карета остановилась напротив парадного входа. Калёб помог мне выбраться из салона. Ерепениться не стала – спуститься со ступеньки на высоких каблуках то еще удовольствие. Никто из домашних встречать меня не вышел. Конечно, я не рассчитывала, что ликующие родственники выстроятся на парадной лестнице стройной шеренгой, но ведь даже к окнам не потрудились – сволочи – припасть! Специально проверила: не дрогнет ли какая-нибудь, хоть бы замусоленная, занавеска? Все портьеры и тюли продолжали уныло свисать и оставались безжизненно-неподвижными.

Пока я осматривалась, на улицу высыпала прислуга. Знакомых лиц не было, но меня все равно обходили по дуге и поглядывали исподтишка. Казалось, все ждали, что *та самая Эннари*, не заходя в дом и не переодевая дорожного платья, снова уничтожит учебную башню.

К слову, башню отремонтировали. Девять лет назад на третьем этаже вместо окон зияли провалы, а стена была закопченной – мой дар открывался с огоньком, в прямом смысле слова. С тех пор окна вернули на место, а черный след побледнел, но не исчез окончательно. Он нахально напоминал о том удивительном дне, когда выяснилось, что мой отец – темный маг, а кузины умеют споро бегать и очень громко визжать. Образ улепетывающей Эбигейл, задравшей до ко-

ленок юбки, почти полгода грел мне душу в школе при академии Деймран.

– Добро пожаловать домой, Энни. Наконец-то ты вернулась, – не сдержала я злорадной улыбки и поднялась по лестнице к парадным дверям.

Холл по-прежнему был торжественно пуст, мрачен и холоден. В общем, похож на склеп, притом не самый лучший, а за время учебы склепов разной паршивости я повидала немало. Поселили меня в гостевую башню. Никто не рассчитывал занять – ладно, не лучшую – хотя бы прежнюю комнату, но непрозрачный намек, чтобы я не задерживалась в замке, поднял настроение.

Всегда приятно представить, как вытянутся физиономии у родственников от понимания, что жить по священному правилу четырех «Н» больше не удастся. Правило это гласило: никогда, ни при каких обстоятельствах не вспоминайте о незаконнорожденной Эннари.

В покои меня провожала молоденькая горничная в благопристойном чепце, задорно съехавшем на затылок. Кaleb следовал конвоиром, не отставая ни на шаг. Он словно хотел лично удостовериться, что башня не пострадает, служанка вернется в людские на своих двоих, а я не займу чужую спальню.

У горничной к изнанке платья был приколот крошечный амулетик от сглаза, способный защитить разве что нервы владельца, но не самого владельца.

– Амулет делала тетка Мириам? – поинтересовалась я.

– А?

Девушка испуганно оглянулась и невольно схватилась за сердце, словно проверяя, на месте ли талисман, а заодно и само сердце.

Вообще, момент для вопроса оказался неудачный. Мы поднимались по лестнице, и прислужница чуть не потеряла равновесие. Конечно, не поймала бы я – подхватил Кaleb. Нас обеих, безусловно. Зря, что ли, молчаливым стражем топал следом? Но девушка устояла, и трагедии удалось избежать.

Не дай святые демоны, ударила бы колено о ступеньку и обвинила меня впадении. Темных всегда обвиняют просто так, заранее. Сразу хочется сотворить какое-нибудь мелкое проклятие, вроде крапивницы. Пусть уж ругают за дело.

– Амулет сделала госпожа Эбигейл, – призналась девушка, все еще оглаживая платье в том месте, где с изнанки приколола булавку.

– Печально, – покачала я головой.

Ведь правда ужасно печально для внучки пресветлого Парнаса так плохо соображать в светлых чарах! Просто сартарский стыд.

– Нравится кошмарить народ? – проворчал в спину Кaleb.

– Предлагаешь притворяться слепой и глухонемой? – Я бросила через плечо недовольный взгляд.

– У тебя на лице написано, что ты готова меня проклясть.

– Не переживай, у меня есть принцип никого не проклинать по воскресеньям, – уверила я.

– Сегодня четверг, – напомнил он.

– Не свезло.

Приняв шутовское заявление за чистую монету, горничная зачастила по лестнице. Я чуть не полегла, а она даже не запыхалась! В общем, прислуга в замке была нервная, но выносливая.

Мы догнали ее на третьем этаже – двигаться дальше было некуда, выше только чердак, крыша и летучие мыши. Против соседства с ними в отличие от родственников Истванов я ничего не имела.

Служанка отперла замок на одной из двух дверей и показала аккуратно убранную комнату, посреди которой стояли мои дорожные сундуки.

– Ваши покои, госпожа чародейка.

Калёб между тем толкнул соседнюю дверь. Тут-то до меня дошло, что он вовсе не конвоировал ведьму, а просто направлялся в собственную комнату, и нам оказалось по пути.

– Ты живешь в замке?

– Четыре года, – согласился он.

– Надеюсь, что между нашими комнатами нет смежной двери.

– Не беспокойся, нет.

– Да я не беспокоилась, но все равно новость дивная.

Отказывать себе в удовольствии захлопнуть дверь щелч-

ком пальцев я не стала. От удара из замочной скважины выскочил ключ и со звоном слетел на каменный пол, появилась сквозная дырочка.

Про ключ-то я и забыла, но высовываться в коридор после эффектного ухода не хотелось. Оставалось сделать вид, будто все так и задумывалось, и дожждаться, когда все свидетели конфуза разойдутся по замку, а потом ключ забрать. Но не успел растаять черный магический дымок, окутавший мою руку, как горничная осторожно заскреблась в дверь. Пришлось открыть. К счастью, Кaleb все-таки спрятался в покоех и конфузец пропустил.

– Госпожа чародейка, вы уронили, – произнесла горничная, указывая пальцем на валяющийся ключ.

Я чуть не закатила глаза. Вообще, слушок, что из рук ведьмы ничего не стоит брать, вполне справедливый, но отдать-то можно! Видимо, я так красноречиво посмотрела на ключ, что горничная быстренько подняла его и протянула мне.

– Мы ждали, когда вы приедете, чтобы разобрать сундуки, – еще объявила она.

Вспомнив, сколько разного лежало в багаже, я отказалась от помощи:

– Сама справлюсь. Лучше поесть принеси.

– Обед уже прошел, – объявила она.

– Еда исчезла подчистую? – уточнила я.

– Нет, но... чаю с пирожными?

Благодарю, но я девять лет прожила при академии, и сейчас по расписанию у меня полноценный обед!

– Кофе с мясом и жареным картофелем, – подсказала я приличное меню.

– Конечно! Все, что пожелаете! – Девушка не пыталась скрыть радость, что можно сбежать подальше от колдовского логова.

Готова поспорить, слуги будут вытаскивать длинную палочку, выбирая жертву, которая понесет в гостевую башню поднос с едой.

– А кофе черный? – уточнила она. – С бренди?

– С молоком и сладкой патокой, – призналась я в недостойной слабости.

Знаю-знаю, суровые черные ведьмы настолько суровы и черны, что пьют кофе цвета дегтя и такой же крепости, но ведь у каждого бывают маленькие секретки. За ломтики яблочного зефира я продам душу. В смысле, не свою, а соседа или – вон – «любимого» родственника. У меня сначала было общежитие отборных темных чародеев разной степени странности, а теперь замок кузин одинаковой степени подлости. Торгуй сколько влезет!

– А мясо с кровью? – продолжила она допытываться.

– Можно и с кровью, – согласилась я, – но лучше с солью и перцем. Хорошенько прожаренное.

– Насколько хорошо?

– Достаточно хорошо! Я ведь не похожа на умертвие?

– Пока нет, – уверила горничная, но тут же испуганно исправились: – В смысле, совсем нет. Вообще, ни капельки... Я пойду на кухню и передам распоряжения повару насчет мяса.

– Иди, – с ласковой улыбкой согласилась я. – Хотя подожди!

– Вы передумали есть?

В ее голосе прозвучало столько незамутненной надежды, словно уговорить повара накормить человека после обеда было настоящим подвигом. Из вредности сразу захотелось придумать какой-нибудь гастрономический каприз и заставить выполнять. Но, как назло, в еде я была совершенно непритязательная, ничего не смыслила в изысках и втайне ото всех обожала плебейскую похлебку из квашеной капусты.

– Поменьше радости в голосе, – фыркнула. – Еду никто не отменял.

– Простите, – покаялась она.

– Может, ты слышала, когда дед вернется?

– Пресветлый чародей должен быть к ужину.

– А остальные?

– Так ведь все в замке, – удивленно заморгала служанка рыжими ресницами. – Они никуда не уезжали.

Отправив горничную в кухню, я прикрыла дверь и наконец проверила выделенные мне покои. К моему приезду комнаты убрали. Украшенный золотыми кисточками балда-

хин над кроватью хорошенько перетрясли. В углах не обнаружилось паутины, а в камине – золы. В банной комнате стояла медная ванна и стыдливо спрятанный за деревянной ширмой ватерклозет. Да и виды из окон оказались живописными: на семейное кладбище из спальни и учебную башню – из гостиной. И это лучше, чем на стену соседнего здания, как было в Деймране, или на птичий двор, как в моей прежней комнате.

Один из дорожных сундуков все-таки пытались вскрыть и закономерно наравались на проклятие. Надеюсь, чернильный узор любимые родственники сумели оценить. Я очень старалась подойти к метке с фантазией: заклятие окрашивало кожу под божью коровку и почти не вытравливалось магией, исключительно едким щелоком и временем. В общем, кто-то по замку ходил пятнистый. Мелочь, но как же приятно!

Одежды у меня было немного. В сундуках в основном лежали книги и разные магические штуки. Я вытащила ящичек с ароматными мыльными пастами, прихватила чистое платье и с наслаждением приняла ванну с розовыми пузырьками, сладко пахнущими пионовым благовонием. Чистая до скрипа, на ходу подсушивая волосы полотенцем, вернулась в спальню.

– С легким паром, – прозвучал в тишине совершенно незнакомый мужской голос.

В кулаке мгновенно сгустился дымок парализующих чар. Я резко оглянулась. На кровати возлежал смутно знакомый

мужик и листал один из черных гримуаров, нахально вытащенный из дорожного сундука.

К счастью, мужик был одет. Притом одет настолько, что даже обут и на кровать вскарабкался в сапогах.

– Привет, кухня, – перевел изучающий взгляд с раскрытой страницы на меня.

И еще он был Вайроном.

Руку пришлось спрятать за спину и аккуратно потушить зажатое в кулаке проклятие. Магия закономерно тушиться не хотела, кусала пальцы, щипала кожу и желала парализовать придурка, посмеявшего плюхнуться на кровать. В обуви! Да даже в общежитии сокурсники предпочитали разуваться в коридоре и после входили в мою комнату.

Мы разглядывали друг друга с открытым любопытством и в обоюдном молчании, все-таки девять лет прошло с последней встречи. Он отрастил до плеч волосы, начал бриться и расстегивать три верхние пуговицы на рубашке.

– Давно не виделись. – Кузен захлопнул гримуар и отбросил его на покрывало. – Как добралась?

– Твоими молитвами, – кивнула я.

– Я не молюсь, – произнес он с усмешкой.

– Значит, не твоими. Зачем пришел?

– Хотел поздороваться, – неопределенно кивнул он. – И принес поднос с едой.

Хотя бы что-то полезное сделал! Любопытно: родственники решили каждый по очереди меня приветствовать или

просто отправили на разведку самого бесполезного в ковене чародея, кем было не жалко пожертвовать?

– Куда поставил еду? – уточнила я, аккуратно развешивая полотенце на деревянную вешалку для мужских пиджаков.

– На стол перед камином, – по инерции ответил Вайрон.

– Благодарю. – Завязывая на ходу черные волосы в пристойный пучок, я направилась в гостиную, готовая, так сказать, оценить кулинарные умения местного повара.

– Ты куда? – опешил кузен, с дурацким видом приподнимаясь на подушке.

– Обедать, – оглянулась я.

– Что?

– В смысле, что? Что ты принес, – кивнула в сторону открытых двустворчатых дверей в гостиную. – Кстати, за какие грехи тебя заставили прислуживать?

– Меня?! – искренне возмутился Вайрон самой мыслью, будто кто-то мог обязать его носиться по коридорам с подносом и по утрам подливать маменьке Мириам теплое молоко в черный чай.

– То есть ты по велению души вместо горничной принес поднос? Никогда такого не видела! – не слишком умело восхитилась я. – Наверное, слуги тебя обожают, да?

Пока он действительно не надумал ответить на вопрос, не требующий ответа, я скрылась в гостиной. Спрятанная под серебряным колпаком еда стояла на кофейном столике. Кресло перед ним оказалось жестким и очень неудобным, в

лучших традициях ишванского гостеприимства.

Прежде чем обалдевший кузен появился в дверях, по давней привычке я успела проверить угощение на заклятия и искренне поверить, что ни в остывший кофе, ни в тарелку никто не плюнул. Ни то ни другое времени много не заняло, а повар приготовил все, как я просила, и чуточку больше – положил поверх большой отбивной веточку лавра. Разумеется, не ради красивой подачи. В народе ходило поверье, будто лавр отпугивает злых духов.

Вайрон вывалился из спальни, мотнул головой, поправляя растрепанные лохмы, и ошалело остолбенел, не веря своим глазам:

– Ты правда села есть?

– Хочешь присоединиться? – напряглась я, не желая ни с кем делиться добытым куском мяса.

– Кажется, ты что-то недопонимаешь, Энни...

Неожиданно он полностью преобразился: спрятал руки в карманы брюк, поднял подбородок, изобразил нахальную усмешку и начал приближаться к столу. В общем, постарался начисто стереть первое неудачное впечатление.

Я резала мясо и с любопытством следила за его выступлением, в смысле, наступлением. Наконец, Вайрон уперся ладонями в край кофейного столика, оказавшегося на редкость устойчивым, и склонил голову. Взгляд неизбежно остановился на впалой мужской груди и птичьих ключицах, вылезающих из прорехи между расстегнутыми пуговицами.

Некоторым Вайронам было буквально противопоказано демонстрировать прелести, потому как прелестей не имелось! В жизни не подумала бы, что взрослый кузен окажется высок, худ и обликом похож на оглоблю, способную напугать разве что мышей в замковом коридоре, но не темную чародейку. Хотя, конечно, он так пока не думал.

– Зачем ты вернулась, Энни? – тихо спросил он.

– Соскучилась, – отозвалась я, мысленно смиряясь, что пока не выставлю незваного гостя из покоев, спокойно поесть не удастся.

– Лучше уезжай туда, где ты обитала последние девять лет. Тебе здесь не рады, – склонился он еще ниже.

– Обещаю, я не буду расстраиваться, – хмыкнула я и указала вилкой в сторону высокого кофейника с длинным носиком: – Плесни мне кофейку, все равно стоишь без дела.

Наблюдать вблизи, как у Вайрона вытягивается лицо, абсолютно бесценный опыт. Клянусь, в Истван стоило вернуться хотя бы ради этого момента! Впрочем, кузен был ни при чем. Девять лет назад дед сказал, что для него цвет дара не имеет значения, самое главное – умение владеть магией. Я должна стать лучшей и занять место, когда-то принадлежавшее моей матери. Демоны знают, сколько я вкалывала, чтобы быть достойной знаменитой фамилии! Сейчас в опечатанной шкатулке лежал черный диплом с отличием и дедовские поздравительные карточки, собранные за девять лет, а я была готова принять родовой знак.

– Смотрю, трусишка Энни стала очень смелой? – ухмыльнулся Вайрон, справившись с замешательством.

– Это был вопрос? – уточнила я.

Спокойно, Эннари, помни, что у тебя есть принцип никого не проклинать во время трапезы. Забыла? Колдовать во время еды не просто неприлично, а по-настоящему непристойно... Но какого демона?! Воспитанные люди без стука не вламываются, в сапожищах в кроватях не валяются и не нависают, когда у девушки в руках вилка, а внутри голод и скоропортящееся настроение. В общем, он первый начал!

– Дорогой кузен, отодвинься, – вкрадчиво попросила я, аккуратно откладывая приборы.

– Не хочу, – ухмыльнулся он.

– Лучше захоти, и поскорее.

– Попытаешься заставить?

– Ты сам предложил.

Я похлопала его по плечу. От каждого касания в воздух вылетал полупрозрачный черный дымок, словно из рубашки вырывались облака пыли. Оказалось, что Вайрон не озадачился защитными заклятиями. Удивительная беспечность! Я такой не встречала лет... да вообще никогда. Сразу видно, что светлые чародеи в замке пока непуганые и действительно считают меня девчонкой, залезающей в шкаф порыдать.

– Ты что делаешь? – тихо спросил кузен.

– Помогаю тебе застегнуться. Не выношу неопрятных мужчин.

Едва я убрала руку, как его рубашка ожила. Ворот сам собой сошелся, ткань срослась, скрыв голую грудь. От неожиданности кузен отпрянул от стола, резко выпрямился, и по лицу прошла болезненная судорога. Похоже, у него что-то защемило в спине. Без магии.

– Ты рехнулась?! – охнул он. – Спина не разгибается!

– В отличие от хозяина твоя спина явно понимает, когда начинаются неприятности, – покачала я головой.

– Ты меня прокляла! – изумленно охнул он.

– Много чести.

Честное слово! Я прокляла не кузена, а его сапоги. Из гостевой башни он еще успеет спуститься, но потом подошва растает... И придется Вайрону ковылять до своих покоев, стуча по каменному полу голыми пятками.

– В общем, Эннари! – раздувая ноздри, как бык перед красной тряпкой, процедил он, еще не догадываясь, какой сюрприз его ожидал. – Я тебя предупредил.

Свали уже, болезный.

– Закроешь дверь, когда выйдешь? – с улыбкой уточнила я, вновь берясь за приборы. – Спасибо, что принес еду.

Он засопел, потоптался, не замечая, что на паркете уже появляются подозрительные следы от подошвы, и все-таки убрался восвояси. Щелчком пальцев я заставила ключ три раза провернуться в замочной скважине и начала есть. Приветствие Вайрона вызвало такой зверский аппетит, что вместе с мясом тарелку бы слопала!

Разбирать все вещи не имело смысла. Жить в гостевых покоях я не планировала, даже несмотря на отличный вид из окна. Места для мастерской здесь не было, поэтому все сундуки с магическим приданым, накопленным за время учебы, я надумала переселить в гардеробную, а пока занялась одеждой. Платья, шурша тканью, сами собой развешивались на деревянные плечики. Аккуратные стопки исподнего перемещались со дна дорожного сундука в выдвинутый ящик комода. Сложив руки на груди, я стояла посреди одежного хаоса и с интересом изучала зеркало в полный рост, прислоненное к стене. На него было наложено хитрое заклятие.

Только-только я протянула руку, чтобы проверить, каким именно колдовством воспользовались, как с другой стороны зеркала закашляли. Я щелкнула пальцами, выбив черный дымок, и шуршащая одежда замерла в воздухе. В тишине из перевернутого плаща, готового забраться на вешалку, посыпались монетки. Шпион догадался, что его раскрыли, и прокаркал ужасно недовольным голосом тетки Мириам, который я легко узнала даже через девять лет:

— В темных академиях совсем уважению не учат? Первым делом молодые чародеи приходят и здороваются со старшими, а не сундуки разбирают!

Мое отражение подернулось рябью, и появилась невысокая, полнотелая женщина, упирающая руки в кружевных перчатках в крутые бока. Она почти полностью собой закрыла вид на комнату, но знакомую голубую ткань на стенах

ее личных покоев при должном внимании заметить можно было.

– Здравствуйте, тетя Мириам, – поприветствовала я мать Вайрона и Люсиль. Они оба пошли цветом волос в родительницу, яркую представительницу Истванов, чистокровную, я бы сказала. Кузену еще и материнский склочный характер достался.

– Лично! – Она недовольно указала в мою сторону пальцем. – Ты должна была прийти лично и поприветствовать нас с тетей Летти!

– Я думала, что вас с тетей Летисией нет в замке, – с невинным видом соврала я. – Кстати, ко мне уже заходил Вайрон. Он оказался очень мил и принес из кухни поднос с едой.

– Вайрон? – недоверчиво сощурилась тетка.

– Да, – кротко улыбнулась я. – Мы очень мило поболтали.

– О чем?

– О том о сем... в основном он говорил, – неопределенно помахала рукой. – Я к вам сейчас загляну?

– Не утруждайся! – фыркнула она, освобождая меня от неприятной обязанности. – Встретимся за ужином. В этом доме ужинают в восемь!

– Я помню.

– Не опаздывай! – проворчала она.

Зеркало прояснилось. В отражении вновь появилась изящная девушка с бледной кожей, черными волосами и го-

лубыми глазами, одетая в неброское платье с аккуратным белым воротничком. Ни одной родовой черты Истванов во мне не было, абсолютно все взяла от отца. Даже дар.

Неожиданно фигура вновь поплыла, и появились знакомые голубые стены и вычурная мебель, обитая синим бархатом, из гостиной тетки Мириам. В кресле сидела Летисия, на диванчике примостилась кузина Люсиль. Рыжая, кудрявая, с отбеленной до фарфорового цвета кожей.

– Такая же нахалка, какой была ее мать! – фыркнула Мириам, демонстрирующая мне объемные «тылы».

– Но выросла красивой, – вздохнула тетушка Летти.

– Ты ослепла? Вороненок дорос до взрослой вороны! В кого ей быть красивой? Вспомни ее мать.

– Риэллу всегда считали красавицей, – действительно припомнила Летисия.

– У тебя явно проблемы с памятью. Попей травок! Девчонка наверняка прицепила маскирующую маску!

Мириам указала пальцем через плечо, намекая на зеркало, в котором я по-прежнему светила своим во всех отношениях натуральным лицом, и собеседницы невольно повернули головы в заданном направлении.

– Ой, Энни! – Люсиль помахала мне рукой. – Давно не виделись! Как дела?

Тетушка обернулась. Надо отдать должное, у нее на лице не дрогнул ни единый мускул.

– Здравствуйте, тетушка Мири. Я все еще с вами, – улыб-

нулась я. – Но ничего, не стесняйтесь. Хотите, я сама потушу магию?

Тетка резко стянула с руки перчатку, демонстрируя ярко-красный окрас кожи с умильными черными горошками, и ткнула пальцем в зеркальную поверхность. Блеснула яркая вспышка. Перед глазами пошли световые круги. Зеркало снова отразило меня. Теперь слегка перекошенную.

– Как думаете, Энни сделает такую же маску мне? – сладкий, как медовая патока, голос Люсиль по-прежнему был слышен так четко, будто про меня сплетничали не на другом конце замка, а в тесной гардеробной с застывшими в воздухе вещами.

– Люсиль, почему ты всегда открываешь рот, чтобы изрыгнуть какую-нибудь глупость?! – немедленно обругала дочь Мириам. – Ты хороша и свежа безо всякой пошлой магии. Мужчины любят естественность. Спроси у старшего брата, он подтвердит.

– Ветта носила маску и уже вышла замуж, – проговорила кузина. – Правда, она сказала, что приходится даже спать в маске. Но это совершеннейшие мелочи! Все говорят, что маски не портят кожу...

– Арветта носит маску? – перебила размышления воинственная тетка, видимо, обращаясь к матери грешницы, поправшей принцип натуральности во внешности.

– Мириам, ничего плохого в косметической магии нет, – встала на защиту старшей дочери тетушка Летти.

– Не хочу показаться навязчивой, но я вас по-прежнему прекрасно слышу, – заметила я.

По другую сторону зеркала воцарилось молчание, а тишина отдавала возмущением, словно следящее заклятие было моей, а не теткиной идеей. От магической вспышки светляк под стеклянным колпаком на стене распался на крошечные светящиеся точки и резко слипся обратно. Чары сгорели, а вместе с ним и темная магия: застывшие в воздухе вещи сорвались на пол. По макушке едва не тюкнули деревянные плечики с металлическим крюком.

– Проклятие! – пробормотала я, вжимая голову в плечи, и проворчала: – Дом, милый дом...

Наконец с вещами было покончено. Опустевший дорожный сундук, стуча дощечками, послушно сложился до размера небольшого ящичка и спрятал сам себя под комод. Кое-какие книги, шурша страницами, аккуратно легли на прикроватный столик возле лампы. Нераспакованный багаж с трудом уместился в гардеробную, остался только узенький проход к зеркалу, которым я планировала пользоваться по прямому назначению. В смысле, не красоваться в однотонных платьях, а со вкусом бесить тетку Мириам, ведь она лично превратила предмет мебели в следящий артефакт. Двусторонний! Ни один вменяемый темный чародей не проигнорировал бы столь щедрое приглашение.

Времени до возвращения деда оставалось много, и я устроила себе экскурсию по замку. Ишван был монумент-

тальным, людным и пропитанным светлыми закланиями. Помимо самого семейства он являлся домом для прислуги, учеников в магии и таких дальних родственников, что – уверена – даже дед Парнас вспоминал их имена, лишь полистав родовую книгу. Именно ради «летописи Истванов» я заглянула в библиотеку.

Дух-хранитель, по сути нечисть, обязанная защищать семейное литературное наследие, прилетел не сразу, для начала присмотрелся. Я успела добраться до мощной одноногой подставки с родовым гримуаром, стоящей между письменным столом и магическим глобусом, по которому в детстве меня заставляли зубрить названия континентов и магических тварей, их населяющих. Резкий порыв ветра раздул юбку и взлохматил волосы.

– Развею, – вкрадчиво пригрозила я бессловесному безобразнику.

Привидение riskовать не захотело, видимо, осознавало, что ни один светлый гримуар не стоит загробной жизни, и забилося под полку.

– Нечисть, раньше ты такой послушной не была, – хмыкнула я, вытаскивая из испорченного пучка две длинные костяные шпильки.

– Раньше ты ее и развеять не могла, – в глухой, сдавленной книжными стеллажами тишине прозвучал ироничный смешок Калеба.

Я давно перестала дергаться от неожиданности, скорее

уж сразу была проклятием, но руки оказались заняты. Одна шпилька, вдруг приобретя подвижность, выскочила из пальцев и упала на потемневший от времени паркет. Тяжелые, еще влажные волосы непослушной волной рассыпались по плечам.

Калёб возник откуда-то из-за книжных шкафов, наклонился за украшением и протянул мне:

– Держи. Кажется, ты случайно уронила.

– Благодарю, любитель подкрадываться со спины. Я уронила не случайно, а от неожиданности, – скопировала насмешливый тон и, подчеркнуто проигнорировав, с каким вниманием он наблюдал за моими руками, вновь собрала волосы в пучок.

С причёской было покончено, Калёб по-прежнему стоял рядом и смотрел.

– Если ты закончил меня разглядывать, то открой родовой гримуар, – кивнула я на тяжелую книгу с окованными серебряным «кружевом» уголками.

– Ишван здесь ты, – напомнил он, растягивая губы в улыбке и неожиданно являя мне, библиотечной нечисти и вообще белому свету ямочку на левой щеке.

– То есть тебя не усыновили, а просто колечко задали, – протянула я, мысленно удивляясь тому факту, что родовой знак дед щедрой рукой отсыпал, а фамилию дать пожадничал.

– Заметила перстень? – усмехнулся Калёб.

– Ты же его не прячешь, – дернула я плечом и осторожно, кончиком указательного пальца, потянулась к гербу в центре кожаной обложки.

– Страшно, темная Истван? – конечно, не пропустил мужчина опасливый жест.

– Разумеется, нет.

Да, святые демоны! Думала, что меня куснет магией так, что волосы встанут дыбом и шпильки разлетятся по библиотеке, но обошлось. Гримуар чуточку уколол, скорее из вредности, нежели из желания спугнуть. Серебряное кружево, обрамляющее герб, завертелось, ожило, и книга сама собой раскрылась, выплеснув в сумрачный воздух поток голубоватого света. Магический артефакт меня признал.

С благоговением и трепетом я начала переворачивать плотные сероватые страницы с портретами, именами и главными событиями в жизни предков. Книга эта, как живая, наращивала новые листы, когда в семье рождались дети. В общем, родовой магии было плевать с высокой учебной башни, кого жители замка считали приبلудышем.

– Увидимся, Калерб. Хорошо тебе добраться до покоев, – бросила я, не поднимая головы.

– Это какое-то проклятие? – уточнил он.

Я с неохотой перевела взгляд от портрета прабабки Агаты Истван. Если слухи не врани, она обладала таким крутым нравом и взрывным темпераментом, что снесла злосчастную учебную башню и в наказание была отправлена отцом в

глухую провинцию на другой конец королевства.

– Пока нет, но всегда готова... – намекнула я, что Калевб Грэм вкрай меня достал своим присутствием. – Никуда не торопишься?

Он усмехнулся и действительно, подхватив с письменного стола какую-то книжечку, направился к выходу. Я пропустила несколько поколений, описанных на паре сотен страниц, и раскрыла разворот с рожей... портретом Вайрона. Было любопытно узнать, почему кузен застрял в замке, а не проводил время в столице, как все нормальные чародеи его возраста.

– Кстати, ты что же, успела проклясть Вайрона? – поинтересовался Калевб.

А новости-то по замку по-прежнему разлетаются со скоростью черной чумы!

– С чего бы мне проклипать дражайшего кузена? – передернула я плечами. – Он у меня в единственном экземпляре. Я прокляла его сапоги.

– Разве это не одно и то же?

– Что за тон судейского обвинителя? – проворчала я, крайне недовольная этим поборником нравственности. – Не путай меня с какой-нибудь зачуханной ведьмой. Заколдовать Вайрона было вопросом выживания, а не каприза.

– Да неужели? – Калевб не пытался скрыть иронию.

– Если бы он съел мой обед, я умерла бы от голода. Не для того я столько лет училась, чтобы так бесславно отбыть на

тот свет. Даже завещания не успела написать.

– Эннари, ты надо мной издеваешься? – тихо спросил он.

– Тебя какой больше ответ устроит? – фыркнула я. – Уда-
чи, Калев.

Святые демоны, он наконец отчалил!

– Я все-таки обязан спросить...

Отчалил, но доплыл недалеко.

– Спроси, раз обязан, – ласково позволила я тем самым тоном, который означал, что дальше в ход пойдут проклятия, и плевать, что передо мной специалист по защите от темных чар.

– Зачем тебе завещание? – вдруг огорошил он и вновь бес-
совестно продемонстрировал милую ямочку на левой щеке.

– Сразу видно, что ты бесповоротно светлый! – закатила я глаза. – Решишь умереть без завещания – не обижайся, когда обнаружишь себя воскрешенным умертвием. Темные чаро-
деи должны уйти на тот свет, не оставив ни одному парши-
вому некроманту шанса обзавестись новым домашним пи-
томцем. Об этом даже дети знают.

– У нас дети о таком не знают, – заметил он, не пытаясь
скрыть веселья.

– Именно поэтому в основном воскрешают светлых, –
улыбнулась я. – Но предупрежден – значит вооружен. Хоро-
ший повод прямо сейчас написать завещание, если его у те-
бя нет.

Думала, что откровенный намек свалить из библиотеки

Калёб решит вновь не слышать, но то ли у него закончилось время, то ли проснулась совесть, он вроде собрался уходить...

– Эннари!

– Да что?! – рыкнула я, теряя терпение.

Дух-хранитель испуганно пронёсся по библиотеке, взлохматил Калёбу волосы, разметал по столу бумаги и свалил на пол пару толстых томиков. В отличие от него бесящий мужик не испугался, а только шире улыбнулся.

– Ты забавная, когда злишься.

– Это все, что ты хотел сказать? – сквозь зубы процедила я, чувствуя, что нахожусь в одном щелчке пальцев от заклятия лицевого паралича.

– Почитай в книге о себе, – посоветовал он.

– Вряд ли я найду в родовом гримуаре что-то новое, чего сама о себе не знаю.

Мы вдруг встретились глазами. Из его взгляда исчез смех, зато вновь появился пронизывающий лёд.

– В таком случае встретимся за ужином, Эннари.

Когда за ним наконец закрылась дверь, а пространство вновь наполнилось благоговейной тишиной, я позвала несчастное привидение:

– Нечисть, иди сюда! Поможешь страницы переворачивать.

Дух-хранитель с такой радостью бросился помогать, что снова растрепал мне пучок.

Через полчаса я знала почти все, что происходило с кузенами и кузинами в последние годы. «Почти» исключительно потому, что наше с магической книгой понятие о главных вехах в жизни людей не совпадало и разбирать мелкие литеры на старомagическом из-за ерунды было лень.

Как выяснилось, Эбигейл с пафосом привесила на стену золотой диплом светлой академии и надумала открыть магическую школу для девочек в северном крыле замка. Арветта три года назад вышла замуж и переехала к супругу. Вайрон гулял и наслаждался жизнью, пока прошлой весной дед не посадил его под домашний арест. Люсиль не доучилась, но получила десяток предложений руки и сердца, безжалостно отвергнутых теткой Мириам. Теперь обе ждали, когда на хорошенькую Люси свалится принц. Желательно настоящий, можно без колдовского дара.

Я практически закрыла книгу, но внезапно перед мысленным взором появилось серьезное, сосредоточенное лицо Калеба. Ведь на что-то он намекал, предлагая проверить мое жизнеописание... Ради спокойствия я отыскивала разворот с собственным портретом. До тридцати лет изображение в книге менялось, и сейчас со страниц на меня смотрела двадцатилетняя девушка с едва заметной, буквально спрятанной в уголках губ ухмылкой. Ничего нового или необычного в описании не обнаружилось: дата рождения, имя матери, тщательно затертое ею же имя отца.

Только я хотела перевернуть страницу и проверить сле-

дующий разворот, как буквально перед моим носом вспыхнул язычок пламени. Он быстро разгорался, стремительно выплетая только-только сожженный где-то на другом конце замка лист писчей бумаги. Послание полностью развернулось, в разные стороны разлетелись искры, огонь потух.

Посреди висящей в воздухе страницы была строчка, написанная мелким дедовским почерком. Пресветлый Парнас, как обычно, не жалел бумагу, но был краток и чрезвычайно скуп на слова, словно отрывал их от сердца. Или за каждый написанный чернильный знак платил деньги.

Он просто дал знать, что уже вернулся в Истван и ждет меня в кабинете. Никаких тебе «добро пожаловать домой, дорогая внучка» или «надеюсь, ты уже выбрала комнату под мастерскую и если хочешь выселить Эбигейл в коридор, то не стесняйся и ни в чем себе не отказывай». Щелчком пальцев я заставила листок сложиться в несколько раз, спрятала его в карман и спустилась со ступеньки. Родовую книгу услужливо закрыл дух-хранитель. Все-таки темных чародеев нечисть любит больше, чем светлых.

К деду я с собой прихватила деревянную шкатулку с лакричной карамелью, которую варили в городке возле замка Деймран. Пресветлый Парнас, один из самых влиятельных магов королевства, испытывал необъяснимую слабость к этим несъедобным, даже на мой непритязательный вкус, конфетам. Последние семь лет в каждом письме просил выслать пригоршню. И ни разу не прислал на них денег. Ста-

рый скупердяй!

Вместе с дедом в южной башне жили тишина, резкий запах магии перемещений и свет. Очень много света. За окном только-только подходил к концу предпоследний день позднего лета, вокруг Иствана едва начало смеркаться, а на лестнице уже сами собой загорались магические огни. Они вспыхивали разрозненными мухами, стремительно слетались в один светящийся клубок и гасли, стоило оставить за спиной очередной виток ступенек.

Только занесла кулак, чтобы вежливо постучаться в тяжелую дверь, как она открылась сама собой. Я зашла. За девять лет в кабинете ровным счетом ничего не изменилось: ни атмосфера, ни подчеркнута строгая обстановка, ни сам хозяин кабинета, словно каждое утро принимавший по пять капель эликсира от старения. К массивному письменному столу нужно было подниматься по ступенькам. Почти три секунды мы с дедом внимательно рассматривали друг друга. Взгляд у него остался по-прежнему пронизывающим.

– Здравствуйте, господин пресветлый чародей, – поздоровалась я, не испытывая ровным счетом никакой неловкости. – Я вернулась.

– Добро пожаловать домой, Эннари, – произнес он. – Как добралась?

– Благодарю, дорога была легкой, – вежливо ответила я. – Возле портала меня встречал Калеб.

Дед даже бровью не повел и указал рукой на одно из глу-

боких кресел, повернутых спинками к резной ширме, за которой скрывался камин:

– Проходи.

В разговорах пресветлый Парнас тоже придерживался принципа словесной скупости.

Пока я поднималась по ступенькам, он вышел из-за стола и фактически встретил меня на полдороге к креслу. Я протянула шкатулку с лакричной карамелью, на вкус похожей на сироп от кашля, и прокомментировала:

– Ваши любимые конфеты.

Он забрал подарок, но на мгновение замер, почувствовав наложенные темные чары. И промолчал. Я никогда не решилась бы проклясть деда или наложить какое-нибудь шпионское заклятие, позволяющее подслушивать или подсматривать, но на всякий случай пояснила:

– Чтобы конфеты не таяли.

Шкатулка заняла почетное место на столе между тяжелой хрустальной чернильницей и ящичком для перьев.

Я опустилась в кресло, отозвавшееся протяжным недовольным скрипом.

– Мы ждали тебя в начале лета, – усаживаясь напротив, проговорил дед.

– Всем замком? – полюбопытствовала я. Кого он имел в виду под загадочным «мы», все лето меня ожидающим?

– Вроде того.

Похоже, пресветлый Парнас начал называть себя во мно-

жественном числе. Странно, конечно, но говорят, что к старости у сильных чародеев маленько «сбивался компас».

– Я гостила у друга.

– В поместье у Холта Реграма, – выказывая ожидаемую осведомленность, произнес дед.

Если он волновался о моем реноме или вообще семейной чести Истванов, то напрасно. Холт, безусловно, был хорош и даже больше, но он не испытывал ко мне ровным счетом никаких нежных чувств, а я, напротив, испытывала страшнейшую изжогу при мысли о безответной любви к лучшему другу.

– Вы правы, дедушка, именно у него, – кивнула я, следя за тем, как дед, сам того не замечая, выстукивает пальцами по подлокотнику кресла. Характерный жест лучше тысячи слов говорил о накопленном за три месяца раздражении.

– В семье ведьмаков? – Тон тоже был исключительно неодобрительный.

Святые демоны, какой снобизм при темной-то внучке!

– В семье очень уважаемых темных чародеев, – поправила я с серьезным видом.

О том, что летом эта исключительно уважаемая семья предпочитала отдыхать на побережье, подальше от северных красот, ледяных склепов и мрачных святилищ, стоило промолчать.

– Родители Реграма были в поместье? – прищурился дед.

– Конечно, – с честным видом соврала я.

Он пожевал губами, но промолчал и позвонил в маленький колокольчик. Думала, что сейчас колдовской сигнал заставит в кабинет ворваться толпу слуг, но, по всей видимости, толпа принялась суетиться где-то на другом конце замка.

Пока ничего не происходило, мы обменялись выразительными взглядами. Наконец на круглом столике, стоящем между кресел, появился поднос с чайными парами, розеткой с медом, пузатым чайником, выпускающим из носика ароматный дымок, и серебряной конфетницей, наполненной крошечными разноцветными зефирками. Теми самими, за которые я готова продать душу соседа.

– Позвольте мне, – предложила я, хотя очевидно, что дед и пальцем не пошевелил бы, чтобы угостить гостью или угоститься самому.

Ромашковый чай пах корицей и кусочками яблока, плавающими в чайнике. Один такой изнутри перекрыл носик, так что пришлось посудину взболтать.

Некоторое время мы обсуждали мелочи: замечательную погоду летом, отвратительные морозы зимой, сложную сдачу диплома, его цвет и даже форму. К планам на будущее дед что-то не торопился переходить, зато внимательно, почти неотрывно смотрел на чашку в моих руках. Осекшись на полуслове, я опустила взгляд. По привычке серебряная ложка сама собой размешивала в чашке мед, из вершины вылетал черный магический дымок. Быстро сжав ложку в кулаке,

я остановила верчение и проговорила:

– Я хочу устроить мастерскую, а еще подумываю связаться с местным кланом темных чародеев. Кстати, как у вас с ними отношения?

– Холодные, – сухо отозвался дед, следя за тем, как я осторожно пристраиваю укрощенную ложку на блюде.

– Отлично! – с энтузиазмом кивнула я. – В смысле, плохо, но я планирую наладить связь. Как думаете?

– Выходи замуж, – вдруг огорошил дед.

– Когда? – вырвалось у меня, хотя стоило бы спросить «зачем».

– Осенью. – Парнас резанул меня серьезным, холодным взглядом.

Я тут мир вообще-то собралась захватить, на кой мне сдался муж? Начнет мешаться под ногами, у меня сдадут нервы, я его прокляну на смерть, а потом придется воскрешать, чтобы никто не догадался. В общем, супруг мне решительно был не нужен ни в каком виде: ни в живом, ни тем более в мертвом. Столько возни!

– За кого? – спросила я из чистого любопытства.

– За Калеба, – коротко отвечивал дед.

Глядя в его непроницаемое лицо, я в полной мере осознала, как прав был Холт, когда утверждал, что стоит придумать запасной план. Вдруг жизнь в Истване не сложится? Я тогда разозлилась и ответила, что он полный кретин.

Глава 2. Запасной план злодейки

– Почему именно за него? – с легкой улыбкой, скрывающей нарастающую бурю негодования, уточнила я и отхлебнула чай.

Он был чудовищным на вкус: никакого успокаивающего запаха ромашки, сплошная бесящая корица. Официально заявляю, что с этой минуты корица на втором месте в длинном списке вещей, которые я ненавижу. На первом – разговоры о женитьбе с Каледом Грэмом.

– В Сартаре у него превосходная репутация, – заговорил дед. – Никто не посмеет даже подумать о том, что его супруга не достойна уважения. За сильным мужем тебе не придется стесняться происхождения.

Как он сказал? Стесняться? Я с трудом сдержала издевательский смешок.

– Он тоже считает, что ему выгодно жениться на незаконнорожденной темной чародейке? – уточнила я и кашлянула. Поперек горла встал ком, не позволяющий пить отвратительную коричную бурду и любезно говорить, разве что шипеть проклятия.

– Этот брак выгоден абсолютно всем! – отрезал дед. – Калед войдет в ковен Истванов и не потеряет право наследовать состояние семьи Грэм.

Зато теперь понятно, отчего великий Парнас так и не

сподобился официально усыновить осиротевшее чадо своего любимого ученика, погибшего от когтей демонической твари.

– У тебя еще две незамужние внучки, – напомнила я о существовании Люсиль и Эбигейл. – Почему именно мне выпала такая... великая честь?

– Ты единственная нуждаешься в помощи. Я обязан позаботиться о твоём благополучии.

– Кaleb в курсе свадебных планов? – сдержанно спросила я, и, видят демоны, сдержанность далась мне нечеловеческим усилием. Даже не подозревала, что способна проявлять волю, потрясающую даже мое воображение.

– Естественно, – кивнул дед.

Я отставила чашку с почти нетронутым чаем и нахально заявила:

– Благодарю за выгодное предложение, но нет. Замужество с Калемом Грэмом могло бы привидеться мне только в очень страшном сне, как в принципе любое замужество. К счастью, я сплю без сновидений.

– Это был не совет, Эннари, – перебил меня дед. – Брачное соглашение подписано. Выбери дату, чтобы официально объявить о помолвке и обменяться родовыми символами.

– Какое еще соглашение? – К собственному стыду, я так опешила, что чуть не забыла закрыть рот.

На письменном столе хлопнула крышка шкатулки. Стремительно рассекая воздух, к нам прилетел свернутый тру-

бочкой свиток. По приказу деда он резко развернулся и повис на уровне глаз перед моим лицом. Пришлось щелкнуть по свитку ногтем, заставляя его отлететь подальше. А то тычут носом, как нашкодившего щенка!

Черным по белому, вернее, синим по серому в соглашении было написано, что дед безвозвратно – полагаю, это ключевое слово договора – вручает свою внучку Эннари Истван, обладающую темным даром, в руки Калеба Грэма, мужчины с отбитым чувством самосохранения. Видимо, других претендентов превратить семейного приبلудыша в честную чародейку не нашлось. Или совсем не искали. Зачем далеко ходить, если в замке счастливо живет ничейный, буквально бесхозный жених?

– Нет! – коротко вынесла я вердикт, хотя очевидно, что мнение будущей невесты никто учитывать не планировал.

Главное, не разозлиться! Злятся только слабаки, а я сильная и независимая чародейка! А что свет в кабинете померк и сгустились тени, так просто за окном давно не полдень – за вечерело.

– Дело решенное, Эннари, – припечатал дед.

Что ж, даже у сильных и независимых чародейек иногда сдают нервы... От уголка свитка потек черный полупрозрачный дымок. Секунду погода бумага вспыхнула, как факел. Вокруг вытянулись изломанные контрастные тени. Сквозь пламя мы с дедом буравили друг друга пристальным взглядом. Узкие губы Парнаса дернулись в едва заметной усмеш-

ке.

Когда в воздухе остался висеть обгоревший клочок с чудом сохранившимся хвостиком от подписи Калеба, свиток начал выплетаться заново. Первоначальный вид он возвращал эффектнее и гораздо быстрее. В моей голове еще не укоренилась мысль, что эти двое скрепили соглашение магически, а бумага уже в целости и сохранности висела в воздухе. Родовая печать Истванов нахально поблескивала в сгустившемся полумраке.

Любой маг, даже самый плохенький, знал, что проигнорировать эту самую печать – чистой воды самоубийство, обязательно начнется черная полоса. Длинною в жизнь. Не исключая, что и после смерти тоже сильно не повезет. Возможно, потеряется завещание, и какой-нибудь ушлый некромант превратит меня в домашнего питомца... А я окажусь настолько неудачливым умертвием, что не сумею оставить ему шрамы от когтей. Как подумаю о таком печальном исходе, так мурашки по спине бегут. Табуном!

Судя по каменной физиономии, уважаемый дед разрывать сделку не собирался и планировал отправить меня под венец, даже если придется отвесить пинок для ускорения и решимости. Но ведь родовая печать Грэмов тоже стояла на бумаге...

– Хорошо, – поднимаясь с кресла, произнесла я таким тоном, чтобы не оставалось сомнений, что это «хорошо» буквально означает «еще посмотрим». – Думаю, нам есть что

обсудить с женихом. Поздравить... друг друга. Дату помолвки опять-таки назначить. Пойду, если вы, дедушка, не против.

Я сорвала замерший в воздухе свиток, словно тряпицу, подвешенную на прищепку.

– Встретимся за ужином, Эннари, – намекнул Парнас, что семейные посиделки нельзя пропускать. И даже убийство жениха вообще не повод.

– Приятного чаепития, дедушка.

Из кабинета я вышла с гордо поднятой головой, расправленными плечами и прямой спиной. Просто внутри поселилось странное ощущение, будто разговор встал колом, а теперь этот кол не давал ссутулиться. И только шлейф из темноты, несущийся следом за мной, да мигающие лампы тонко намекали, что чародейка немножечко, буквально самую-самую малость раздражена.

На третий этаж гостевой башни я не поднялась, а взлетела. Даже не запыхалась, словно несущиеся следом тени выплелись в крылья и придали нужное ускорение. Постучала в дверь Калеба. Три раза. Негромко. Думала, придется ждать или дожидаться, что еще хуже – ненавижу караулить, но дверь открылась без бесящих пауз.

Он успел переодеться в рубашку и широкие штаны. Из пучка выбились пряди, спадали на шею и уши. Завязал бы волосы, что ли, в приличный хвост, а то выглядел непозволительно по-домашнему. Не для судьбоносного разговора.

– Это я должна была обнаружить в родовом гримуаре? Оригинальный способ делать предложение! Встать на колени и попросить – каменеют суставы и язык?

Кстати, я же проклятие похожее знаю! Надо записать в рабочий гримуар, чтобы не забыть использовать. Ни разу не практиковала на людях, отчего бы не сейчас? Можно на жёнихе. Что он стоит, ничем не проклятый, здоровенький и страшно бесящий.

Не отводя взгляда, недрогнувшей рукой я припечатала свиток к крепкой груди мужчины:

– Разорви.

Только собралась гордо удалиться, как в спину прилетел возмутительно-спокойный отказ:

– Нет.

Я обернулась недоверчиво и очень медленно, все еще полагая, будто ослышалась. Прозрачно-голубые глаза Калеба походили на ледышки. В них было невозможно увидеть мысли, но совершенно точно читалось любопытство. И он не думал ловить злосчастное соглашение, более того – спрятал руки в карманы. Заметно измятый листок валялся на полу между нами, куда, по всей видимости, отлетел.

– Что ты сказал? – вкрадчиво уточнила я.

– Назови хотя бы одну причину, почему мне не взять в жены привлекательную, невинную наследницу знаменитого рода Истван, за которой дают очень приличное приданое? – изогнул он левую бровь.

Ничего себе неожиданность! Мысленно я представляла, что Калеба фактически насильно принудили скрепить брачное обязательство, но, похоже, ошиблась.

Мы оба были обязаны деду. Калебу он дал защиту и дом, мне оплатил учебу и достойное содержание. Конечно, от матери я получила кое-какое наследство, но на девять лет безбедной жизни этих денег не хватило бы, а стипендия подданным соседних королевств не полагалась.

– Мы не торгуемся, – с предупреждением в голосе вымолвила я. – Разорви соглашение.

Он бросил на меня взгляд из-под ресниц и начал наступать. Я гадала: поднимет ли Калеб магический документ или перешагнет и когда вообще остановится. Не задумываясь, он наступил на свиток, словно тот совершенно ничего не значил.

– Ты специально идешь поближе, чтобы лучше меня слышать? – с иронией уточнила я. – Замри, иначе я ударю магией.

– Не ударишь, если предупреждаешь.

Он остановился на расстоянии в полшага, не заботясь о том, что действительно может схлопотать какое-нибудь проклятие.

– Не пойму, ты просто смирился, что дед попросил отдать должок, или правда хочешь жениться?

– В моем возрасте самое время завести семью, – напомнил он, что вообще-то старше меня почти на восемь лет.

– Зато в моем рановато.

– Риэлла Истван в двадцать лет уже качала дитя, – бесцеремонно напомнил Калев, как рано мать сбежала из замка, чтобы вернуться одинокой и с дочерью на руках.

– И я прекрасно помню, как печально для нас обеих это закончилось, – усмехнулась я, подавив дурацкий порыв скрестить руки на груди и отгородиться от новоприобретенного жениха. – Если у тебя проблема с деньгами, то выбери любую из моих кузин. Уверена, за них тоже неплохо приплатят.

– Твоих кузин мне не предлагали.

– А ты спрашивал о них?

– Зачем? – Он открыто издевался.

– Затем, что я не выйду за тебя замуж. Более того, мы даже до обряда брачных обещаний не дойдем.

– Если верить соглашению, Эннари, то дойдем. Сейчас я понимаю, почему Парнас настоял на родовой печати. Ты крепкий орешек.

– Вообще-то, я темная чародейка.

– И ты это старательно подчеркиваешь. – С нахальной ухмылкой он разглядывал мои губы, словно напоминая, что они покрыты алой краской, кричащей о том, что девушка непроста и связываться с ней себе дороже. – Разве не очевидно, что мне плевать на цвет магии?

Кому очевидно? До меня только-только доходит, что ты, дорогой жених, не похож на жертву шантажа.

– И я способна превратить твою жизнь в ад. Что непременно и сделаю, – пообещала я.

Тут меня посетило озарение: проблема Калеба Грэма вовсе не в атрофированном инстинкте самосохранения, а в тугоухости! Он просто-напросто не слышал угроз даже на ничтожном расстоянии, на каком чужие люди имели право стоять исключительно в набитой битком театральной галерке.

– Буду ждать с нетерпением, – согласно кивнул он. – В конечном итоге самые послушные и преданные жены получают из маленьких своевольных ведьм.

– Кажется, ты чего-то не знаешь о ведьмах.

– Теперь мне еще сильнее хочется проверить.

Он меня открыто дразнил, а я так старательно пыталась не поддаваться на провокацию и держать непроницаемое лицо, что от усилий нижнее веко начало тихонечко подрагивать. До этого момента я и не подозревала, что оно обладало такой неестественной подвижностью.

– Раз ты всерьез намерен жениться, то должен знать, что с невинностью тоже имеется заминка, – чуточку улыбнулась для эффекта. – Я не девственница.

Я нахально соврала, но проверить-то он все равно не сможет. Никогда, ни при каких обстоятельствах и даже под угрозой смертельного проклятия!

Тишина стала вдруг такой глубокой, что можно было слышать, как курлычут голуби, облепившие каменный выступ за окном. Левая бровь Калеба поползла вверх. В гла-

зах появилось странное выражение, уголки рта дернулись в бесстыжей улыбке.

– Хорошо, – произнес он.

К собственному стыду, я чуть не поперхнулась на вдохе.

– Хо-ро-шо? – пришлось говорить распевно, чтобы справиться с неожиданным заиканием.

– Люблю опытных женщин. С ними весело в спальне: они не стесняются, не жмутся и знают, чего хотят. Опять-таки, учить ничему не надо...

Задела, называется, мужское самолюбие! Он насмехался, а я, как любая девственница, была готова самовоспламениться от нечеловеческой неловкости. Но Калев пошел дальше и с убийственной иронией уточнил:

– Почему ты смутилась, Эннари? Ты сама начала обсуждать животрепещущую тему супружеского долга.

Ничего я не собиралась обсуждать! Соврала, чтобы уесть подлеца. Кто же знал, что он обнаружит свободные взгляды не только на цвет магии!

– Другими словами, тебя все устраивает и разрывать соглашение ты не собираешься? – Я даже нашла в себе силы говорить небрежно.

– Обещаю быть добрым мужем и тратить приданое с умом, – с иронией ответил он.

– Ладно, женись.

– Когда?

– Не знаю. Главное, не на мне.

Я собралась покинуть поле боя с высоко задранным носом.

– Маленькая ведьма! – со смехом в голосе окликнул Калев. – Уверен, ты не настолько коварна и опасна, насколько себя мнишь, темная Истван.

– Дорогой жених, кажется, вы перепутали банальную вежливость со слабостью, – бросила я через плечо и вошла в свою комнату.

За спиной сердито хлопнула дверь. Из косяка вырвался черный дымок, выдающийся, насколько хозяйка покоев зла. Сам собой в замочной скважине провернулся ключ.

Я застыла посреди гостиной и начала перебирать в уме заклятия, способные выбить из Калеба возмутительную спесь. Как всегда, на десятом попустило, на пятнадцатом вернулось самообладание.

Пока меня не было, из комнаты исчез поднос с грязной посудой и появился графин с водой. Шпионское заклятие на зеркале не трогали. Специально проверила, когда доставала из дорожного сундука завернутый в плотную ткань живой гримуар.

Устроившись на широком подоконнике, я аккуратно развернула мешковину и любовно огладила кожаный переплет с коваными уголками. Редкую книгу мне подарила деканесса Брунгильда Торстен, потрясающая женщина, в присутствии которой даже мухи предпочитали не жужжать, а притворяться мертвыми. Студенты притворяться мертвыми, конечно,

не смели, но голос лишний раз подавать не рисковали.

В общем-то, гримуар и Холт Реграм появились в моей жизни одновременно. Представитель древней магической фамилии на спор с приятелями стащил колдовскую книгу из кабинета госпожи декана и подкинул мне. Тоже на спор. Я так сильно разозлилась, что заклала всю компашку проклятием честности. Слышала, что они каялись даже в детских проделках, пока Брунгильда не сжалилась и не погасила колдовство.

Пару месяцев я гордо носила корону самой злобной ведьмы академии Деймран, перехватив престижный статус у деканессы, за что она торжественно подарила мне возвращенный гримуар. Холта же отчаянно веселило, что его проклала внучка светлого чародея. И пусть я не разделяла мнение друга, будто к магии надо относиться легко, мы умудрились сойтись характерами.

– Брунгильда, просыпайся! – похлопала я в ладоши над книгой.

Безусловно, живой гримуар звали по-другому. Пафосно, благородно и почти не переводимо на сартарский язык... Короче, я не запомнила и дала имя бывшей хозяйки. Книге не нравилось, может, воспоминания о госпоже Торстен были невеселые или она редко обращалась к этому «кладезю магической мудрости», но кладезь под дурное настроение вредничал.

– Немедленно!

Из символа темной магии, выдавленного в центре кожного шероховатого переплета, вырвалось облако жиденького дымка, словно книга-старушка для начала решила прокашляться. Знак вспыхнул, застежка раскрылась.

– Начадила-то, – недовольно поморщилась я, ладонью развеивая слезоточивый дым. – Брунгильда, как разорвать свадебное соглашение с родовой печатью?

Книга сама собой раскрылась, зашелестели страницы. Ближе к середине толстого тома поиск завершился. На предложенном развороте был заголовок: «Как навести порчу».

– Брунгильда, как разорвать свадебное соглашение без черной магии? – уточнила я.

Страница открылась немедленно. «Ядовитая волчья ягода» – было написано в заголовке.

– Ты предлагаешь выпить яду мне или напоить остальных? Не выспалась, что ли? – с раздражением спросила я у безмолвной книги. – Брунгильда, как разорвать магическое соглашение, никого не убивая?

Гримуар принялся листать страницы. Туда-сюда, вперед-назад. Через минуту отчаянного шуршания стало ясно: способа, чтобы все оставались – ладно, здоровы – хотя бы живы, в книге с темными заклятиями и магическими советами не находилось. Она печально закрылась и выпустила от страниц черный дымок. Мол, пощади, хозяйка, я выдохлась.

– Брунгильда, как избавиться от жениха за три... хорошо, за семь дней? – печально вздохнула я, поняла, что книжка

нацелилась на разворот с порчей, и быстро уточнила: – Не убивая его с помощью черной магии!

Страницы зашуршали к разделу, где подробно рассказывали, как правильно прикапывать умертвие.

– Чтобы он остался жив! – начала выходить из себя я.

Опять порча... Не книга, а какой-то сборник инструкций для серийного маньяка! Раньше я не замечала за ней подобной кровожадности.

– Жив и здоров! – рыкнула я. – Как бык!

Гримуар заторопился в обратную сторону, ближе к концу, где описывали любовную магию, и странички имели нежно-розовый цвет.

– Что это? – нахмурилась я, не понимая, к чему ведет магический артефакт.

Он вел к разделу «Привороты мужчины к женщине». Другими словами, мы друг друга так и не поняли.

– Брунгильда, ты сегодня большая дура! – резюмировала я в сердцах.

Книга захлопнулась, застежка закрылась, печать потухла. Мало что кровожадная, так еще и обидчивая! Посоветовала, называется, как избавиться от гадского соглашения.

Время ужина наступило незаметно. Пусть есть еще не хотелось, не появиться в столовой я не могла. Поприветствовать семью все-таки следовало. Заодно всем подпортить аппетит цветущим видом.

Ради такой важной миссии накрасила губы красной пома-

дой и нанесла на запястья пионовые благовония. Все по канону: темные ведьмы всегда цветут и пахнут сладкими ароматами.

Я решительно направилась к двери, но где-то на середине пути перед мысленным взором мелькнул странный образ, будто снаружи меня поджидает новоявленный жених. В воображении он стоял, прислонившись к стене и спрятав руки в карманы. Волосы почему-то были подстрижены, и в свете магической лампы вновь хищно поблескивала сережка. В общем, богатая фантазия меня подвела, и решимости убавилось, сама не знаю отчего. Прежде чем выйти, я приоткрыла дверь и в щелку проверила, свободен ли проход к лестнице. Естественно, снаружи никого не было.

– Да демоны всех дери! Что я делаю? – разозлилась на себя, на Калеба за то, что пробуждал желание осторожничать, а заодно на богатую фантазию. Что она, предательница, подкидывает нервирующие образы?!

И все равно постаралась поскорее уйти из гостевой башни. Но напрасно торопилась, рискуя поломать на лестнице каблуки или свернуть шею, дверь в покои Калеба Грэма не скрипела, не хлопала и оставалась неподвижной, а потенциальный претендент на несчастливый брак за мной не гнался. Хотелось верить, что он решил поужинать в одиночестве и в тишине подумать, на кой демон ему сдалась жена темная чародейка и с какой скоростью начнет портиться его жизнь после свадьбы.

Эбигейл я увидела издалека. Призрак прошлого, стремительный и стройный, приближался из противоположного конца коридора. Длинное платье из темно-синей материи красиво льнуло к ногам. У кузины изменились походка и цвет волос. Рыжевато-русый, истинно ишванский, уступил место холодной платине. Но кое-что осталось прежним: за плечом, как бывало в детстве, преданным библиотечным духом трусил Вайрон.

Ему удалось справиться с темным заклятием: к ужину он переоделся, переобулся и даже выглядел как нормальный человек, а не как – ну – послеобеденный Вайрон, завалившийся ко мне в комнату. Любо-дорого посмотреть! Возможно, он просто не рисковал мелькать торсом перед дедом и застегнулся на все пуговицы, но я по-прежнему свято верила в воспитательный эффект одежно-обувного проклятия.

Историческая встреча с главной злодейкой моего детства произошла напротив столовой. Даже показалось, что Эбигейл специально прибавила ходу, лишь бы не дать мне завернуть первой. Могла не торопиться, я все равно их подождала бы.

– Добро пожаловать домой, Энни, – произнесла она мягким голосом.

Мы были одного роста. Я за счет каблуков.

– Благодарю, – кивнула я и обратилась к Вайрону, указывая на начищенную обувь: – Красивые сапоги. Новые?

В глазах кузена вспыхнула плохо сдерживаемая злость, а

на скулах появились красные пятна.

– Ты испортила мои любимые сапоги и рубашку! – прошипел он сдавленным голосом, видимо, не желая, чтобы в столовой слышали о магическом конфузе.

– Они же были не последними. Ты расстроился? – невинно уточнила я и добавила, как, бывало, в детстве говорил он, когда еще казалось, что если пожаловаться взрослым, то обидчиков непременно накажут: – Я же просто пошутила.

– Пошутила?! – крикнул он. – Ты меня прокляла!

– Другими словами, шутка не удалась, – резюмировала я.

– Это было не смешно! – прошипел Вайрон.

– Ой, да брось, Ронни! – неожиданно поддержала меня Эбигейл. – Это было реально смешно. У тебя сапоги на ногах расплавились, а ты не сразу понял. В жизни так не смеялась!

Буркнув что-то злобное, но неразборчивое, сердитый кузен ринулся в столовую. Видимо, решил, что стоит уйти, пока от ярости не расплавился следом за любимыми сапогами. Эбби проводила его внимательным взглядом и осуждающе покачала головой:

– Теперь есть повод набраться за ужином. Вообще никакого чувства юмора.

– И что вы застыли в дверях, как умертвия перед святым распятием? – рывкнула тетка Мириам, незаметно возникшая у меня за спиной.

Я поспешно уступила дорогу и улыбнулась:

– Еще раз здравствуйте, тетушка. У вас очень, очень кра-

сивые перчатки. Я их еще в зеркале заметила, но не успела сказать...

Тетку без преувеличений перекосило. Видимо, она уже отчаялась отмыть черные горошинки, и эти красивые перчатки надоели ей хуже горькой редьки. Она прошла мимо, но все-таки бросила через плечо:

– Поторопиться не желаете, юные леди?

Эбби закатила глаза и едва слышно пробормотала, делая вид, будто мы старые подруги:

– Вечно вопит на весь замок, как припадочная. – Она мило улыбнулась и с видом хозяйки бала кивнула: – Идем, Энни?

К счастью, ей хватило здравого смысла просто поехидничать, но не брать меня под локоть.

Мы двинулись следом за теткой в зал с огромным камином, затянутыми тканью стенами и портретом основателя ковена Иврона Иствана. Картина была обновлена магическими красками, отчего казалось, будто взгляд у предка живой и пронзительный.

Парнас сидел во главе накрытого по всем правилам этикета стола. На обычном месте, по правую руку от деда, обнаружился мой неожиданный жених. Жаль, что он не пожелал остаться в гостевой башне и за одинокой трапезой подумать о плюсах холостяцкой жизни перед несчастливым браком!

Дед властным жестом руки указал на пустующий стул рядом с Калебом, хотя я по старинке нацелилась на привыч-

ное место, куда обычно усаживали самых бесполезных членов ковена. Что характерно, сейчас один из таких «почетных» стульев занимал Вайрон. Похоже, счастливчика не просто посадили под домашний арест, но и отправили в застольную ссылку подальше от Парнаса. Вообще, завидно. На «галерке», как ни странно, всегда было больше еды, но меньше внимания.

Прежде чем усесться, я громко поздоровалась со всеми родственниками сразу:

– Приветствую!

– Добро пожаловать домой, Эннари, – кивнул дед.

Решив, что приличия соблюдены, он позволил мне сесть и жестом приказал слугам подавать еду. Столовая наполнилась разговорами и звоном посуды.

– Как успехи? – склонившись, тихо спросил Калерб.

– На ниве... – попросила я уточнений, а то говорит, знаете ли, шарадами.

– Разве ты не искала способ разорвать соглашение?

Он тоже спрятал в покоях следящий артефакт, а я пропустила? Вряд ли, конечно. В конце концов, главная шпионка в замке – это тетушка Мириам, но углы и занавески надо бы проверить.

– Я гадала на картах, – пришлось сочинять на ходу, но у меня не возникало проблем с экспромтом. – Спрашивала, как лучше поступить: испортить тебе жизнь сейчас или все-таки выйти замуж, а потом начать портить с полным правом.

– Что они посоветовали? – не скрывая улыбки, спросил он.

– Не откладывать на завтра то, что можно проклясть сегодня.

– Планируешь заколдовать мои сапоги? – предположил Калёб.

– А удастся? – оживилась я.

– Нет, – покачал он головой. – Не теряй время на обувь и придумай что-нибудь неожиданное.

– У меня принцип никого не проклинать во время еды.

– Серьезно?

– Но еще я верю в гибкость принципов, – добавила я и попыталась прикоснуться к нему пальцем с дымящимся на самом кончике заклятием онемения.

Калёб так ловко сжал мою руку в большой ладони, что оставалось только удивленно моргнуть. Удивиться было чему: и неожиданному ощущению чужого тепла, и молниеносной реакции противника, и – это главное! – очень подозрительному шипению, словно кто-то плеснул воду на тлеющую головешку. Я быстро вырвала руку из кокона его ладони и проверила палец, но ничего подозрительного не обнаружила.

– Извини, рефлекс, – с сожалением поморщился Калёб.

– У тебя рефлекс хватать девушек за пальцы?! – прошипела я возмущенно, но тихо, чтобы никто не догадался, что мы вообще-то скандалим.

– Он еще может дымить? Или все: погас с концами? – вы-

пытывал он, а в его тарелке между тем завертелась бульонная воронка, обнажившая фарфоровое дно. От нее шел черный дымок, намекающий, что невеста успела наколдовать бурю. Юшка нахально выплеснулась через край, выпали на скатерть кусочки овощей. Наконец в тарелке наступил полный штиль, но остался столь же полный хаос.

– Да, он все еще может дымить, – сухо прокомментировала я.

От кулинарно-магической перепалки нас отвлекло сдержанное покашливание деда. Оказалось, что половина длинного стола не спускала глаз с нашего угла.

– А что, правду говорят, будто по академии Деймран разгуливают умертвия, а призраков прячут в стеклянные бутылки? – вдруг спросила Люсиль, заставив всех, кто сидел рядом, с интересом прислушаться.

Немедленно вспомнился парад воскрешенных мертвецов в день защиты дипломов на отделении некромантии и зеленые бутылки с полупрозрачным дымком, закупоренные заговоренными пробками, в кабинете темной магии. Я согласнo кивнула:

– Правда.

– И тебе не было страшно? – округлила глаза Люсиль.

– Да что их бояться? Они ведь уже мертвые, от магии точно не издохнут... – Заметив, как болезненно, словно прикусила язык, сморщилась тетушка Мириам, я осеклась и добавила: – В смысле, их всегда можно остановить.

– Девочки, зачем за столом обсуждать такие странные вещи? – шикнула Летисия, которая путем распила тщательно умертвляла один тоненький салатный листик. – Поговорить совсем не о чем? Эннари, ты, к слову, чудесно выглядишь.

– Благодарю, тетушка, – кивнула я.

– Раскроешь имя мастера, которые делал магическую маску? – страшно оживилась Люсиль, словно на рассвете собиралась прыгнуть в порталные ворота, чтобы к открытию оказаться у дверей косметической лавки.

Только я собиралась изящно съехидничать, как Мириам в лоб спросила:

– И надолго ты к нам, Эннари?

Подозреваю, что она выставила бы меня с вещичками прямо в ночь, да и я после дедовского выпада с замужеством предпочла бы творить добрые дела во имя Истванов где-нибудь подальше от Истванов. Но разве можно доставить столько удовольствия тетке, в детстве называвшей меня противной, неблагодарной девчонкой?

– Навсегда, – не моргнув глазом, соврала я.

– Навсегда – это насколько? – зашептала Люсиль. – Это надолго? Видимо, не на неделю, как все говорили...

– Значит, ты решила обосноваться в замке? – не обращая внимания на лепет дочери, резюмировала Мириам. – Уже знаешь, чем будешь заниматься? Не уверена, что мы найдем место под мастерскую для темной чародейки. Этой осенью Эбигейл открывает магическую школу, как понимаешь, вряд

ли такое соседство понравится родителям воспитанников.

– И много воспитанников? – искренне заинтересовалась я.

– Пока идет набор, – нервно дернув плечом, ответила кузина.

– Безусловно, место под мастерскую найдется, – веско перебил обсуждения дед.

Видимо, чувствовал, что я почти приколдовывала багажу крылья и собралась улететь в сторону заката.

– Конечно! – заторопилась согласиться Эбигейл. – У нас же тьма пустующих хозяйственных построек. Правда, дядюшка Эсмаил?

Упитанный, лысоватый смотритель замка, сидящий по соседству с Вайроном, спокойно прихлебывал супчик и, не ожидая такой пакости от племянницы, поперхнулся. Видимо, считал, что ведьмы как мыши: сначала заводилась одна, а потом ниоткуда появлялся целый шабаш. Громко кашлянув, он обвел стол озабоченным взглядом и пробормотал:

– Разумеется. Въезжай и колдуй, сколько душе угодно.

Очаровательная идея переселить меня поближе к конюшням или, что еще задорнее, к псарне! Хорошо, что в Истване не было скотного двора, продукты в замок доставляли местные торговцы и фермеры, иначе отправили бы в свинарник.

– Подземелье опять-таки пустует, – подхватила я.

– Верно, – с энтузиазмом махнула вилкой Эбигейл. – Я совершенно забыла о подземелье!

– Одно плохо: если что-нибудь в мастерской взорвется, то весь замок рухнет, – с иронией добавил Кaleb, и улыбка Эбби как-то разом подувала.

– Или всегда можно выселить привратника, – нахально предложила я. – У него отличный домик. Очень крепкий!

Тут в разговор вновь вмешался дед, видимо, убоявшийся, что наши рассуждения приведут дядьку Эсмаила к остановке сердца и ужин закончится трагедией:

– Не рановато думаешь о мастерской, Эннари? Разве у тебя сейчас не мало забот?

Истинная правда: проблем и забот полный дорожный сундук! И вы их, дорогой дед, создали.

– Дедушка, мы просто обязаны устроить прием в честь возвращения Эннари! – с энтузиазмом предложила Эбигейл. – Можно приурочить к празднику урожая.

Главное, не заставляйте меня наряжаться феей осени с венком из опавших кленовых листьев на башке.

– Лучше к помолвке, – поправил он.

– К чьей? – удивился народ.

У невесты вновь задергалось нижнее веко, и только жених оставался спокойным, как деревянный божок. Прихлебывал себе вино и не выказывал ровным счетом никакого волнения.

– Не вижу смысла и дальше скрывать, – повернулся к нам дед, и веко у меня задергалось еще сильнее, совсем как у припадочной. – Дело уже решенное: Эннари и Кaleb поже-

няться, когда ляжет снег. Мы должны провести ритуал обречения до сезона золотой листвы.

Из руки Эбби выпала вилка и со звоном ударилась о край фарфоровой тарелки, а тетушка Мириам бросила на меня такой взгляд, словно с наслаждением представила отбивной, которую требовалось отходить поварским топориком или вообще порубить на бифштекс. Зато остальные пришли в страшнейшее возбуждение, а тетушка Летисия от удивления проглотила хлеб вместо салатного листика.

– Какая чудесная новость! Поздравляю! – воскликнула она, потянувшись за добавкой к хлебной корзинке.

– Прекрасный исход! – с облегчением согласился дядька Эсмаил. – От души вас поздравляю, молодые люди!

Наверняка свадьбе единственной дочери Луизы, сорокалетней старой девы, сидящей здесь же, за столом, зритель обрадовался бы меньше. Видимо, он считал, что я окажусь слишком занята подготовкой к многочисленным свадебным обрядам, чтобы заводить в Истване собственный шабаш, и теперь его ненаглядным хозяйственным постройкам ровным счетом ничего не угрожает. Никаких кровавых обрядов черной магии и разудалых плясок с ночи до утра под звуки дьявольской лютни и хоровое пение.

– Энни, вы с Калемом отлично смотрите! – зачирикала Люсиль. – Уверена, у вас будут очень красивые детки!

Жених не сдержал смешка, у меня поползли на лоб брови, по лицу Эбигейл прошла болезненная судорога.

– Считаешь? – спросил Калёб очень странным голосом, больше похожим на веселый, чем на ироничный.

По-моему, только Люсиль не очевидно, что брак договорной. Конечно, она и в детстве была на редкость бесхитростной, но я-то по наивности полагала, будто замок Истван и его обитатели способны из кого угодно вытравить незамутненное простодушие.

– Ни капельки не сомневаюсь! – с жаром уверила она и вдруг охнула: – Эбби, зачем ты отдала мне ногу? У меня атласные туфли!

– Просто держи... ноги при себе, – вспыхнула та и принялась сосредоточенно нарезать в тарелке еду.

Тут на меня и снизошло озарение! Эбигейл влюблена в моего жениха! Однозначно, что безответно и, похоже, абсолютно безнадежно. Разговоры о свадьбе и прочей брачной чепухе встали ей костью в горле... Как и тетушке Мириам. Почти уверена, что мать Люсиль вынашивала планы отдать дочь в надежные, сильные руки приличного холостяка с хорошей магической родословной и наследством семьи Грэм.

– У тебя кровожадная улыбка, – щекоча дыханием, промурлыкал мне на ухо Калёб. – Надумала, кого проклянешь следующим?

– Тебя, – чистосердечно призналась я. Все равно ведь не поверит.

– Уже можно бояться или еще подождать? – Он отхлебнул вина.

– Как хочешь. Кстати, очень красивый пиджак, – мило улыбнулась я и аккуратно стряхнула с его плеча несуществующую пылинку.

Калеб многозначительно посмотрел на мои пальчики. Кашлянув, я быстро убрала руку, но даже этого краткого, почти невесомого прикосновения хватило, чтобы по ткани невидимой змейкой юркнуло заклятие и цепко опутало спинку его стула.

Пришло время прощаться. Громко извинившись перед семьей, я соврала, что из-за разницы во времени готова уснуть лицом в тарелке с салатом, и поднялась из-за стола.

– Я провожу Эннари, – объявил Калеб, к огромному дедовскому удовольствию.

Он попытался встать. Тут-то его и ждал сюрприз! Замечательный, красивый пиджак, ладно облегающий широкие плечи владельца, намертво прирос к обивке стула. Вообще не оторвешь! В прошлый раз Холт потерпел фиаско, пришлось рубашку срезать ножницами. Что сказать? Высший балл по преобразованию материалов мне поставили не за красивые глаза.

– Какого... – дернулся Калеб, понимая, что вряд ли проводит невесту в гостевую башню.

– Ты же сказал не тратить время на сапоги, – склонившись, прошептала я ему на ухо. – Если не дотянешься до спины сам, то попроси кого-нибудь убрать чары. Ну... вдруг удастся?

Он резко схватил меня за руку, не позволив выпрямиться, и тихо, но настойчиво велел:

– Эннари, просто сними заклятие.

Если бы в его глазах не плескался смех, я восприняла бы слова всерьез.

– Просто сними пиджак. Или оставить пиджак болтаться на стуле унизительно?

– Послушай, маленькая ведьма, ты напрасно меня дразнишь...

– Ох уж эти многозначительные паузы. Мне уже можно бояться? – ответила его же фразой и вновь обратилась к родственникам, делающим вид, будто им совершенно безразлично, что мы творим в своем углу стола: – Спокойной ночи всем и приятного аппетита.

Уверена, что после сегодняшнего ужина у большей части замка случится несварение.

– Боже мой, Калэб, какие же вы все-таки милые, – догнал меня вздох тетушки Летисии.

Я топала по коридору и больше не пыталась сдерживать издевательскую ухмылку. Все-таки живой гримуар умел подкидывать отличные идеи, только зря обругала. Своего жениха я собиралась торжественно вручить Люсиль. Пусть Эбигейл кусает локти от ревности!

Складывался забавный четырехугольник: две кузины-подружки, будущая теща Мириам, знающая толк в том, как довести человека до трясучки, и один наглый тип, ни с того ни с

сего решивший, будто из темных чародеек выходят послушные супруги. Просто блеск! Уже предвкушаю, какая начнется грызня. Жаль, буду очень далеко и не узнаю, чем закончится битва. Впрочем, по привычке соврала. Совершенно не жаль!

Добравшись до комнаты, я закрылась на замок и снова разложила колдовскую книгу.

– Брунгильда, пробудись.

Брунгильда, что совершенно не удивляло, была обижена. В отличие от людей живые гримуары продолжали злиться, пока у них не попросишь прощения.

– Ты давала прекрасные советы, а я отказывалась прислушиваться. Прости.

В смысле, пока от всей души не попросишь прощения.

– Прости, что обозвала тебя дурой. Я была не права.

Немножечко самоунижения в общении с обидчивыми книгами тоже не помешает.

– Сегодня из нас двоих я глупее.

Последовала пауза. Гримуар словно некоторое время раздумывал, а потом выплюнул мне в лицо облако черного дыма. В этом магическом жесте буквально звучало: я благородный гримуар, знающий, как завоевать мир, а не паршивая гадалая книга.

– Итак, Брунгильда, – проглотив ворчание, обратилась я, – как приворожить светлого мага?

Книга зашелестела страницами, открылась на розоватом

развороте.

– Благодарю, – вежливо ответила я.

Любовный дурман из чародеев выветривался даже быстрее алкоголя. Действие проходило, появлялся похмельный, злющий маг, обалдевший от осознания, что его опоили, и готовый за этот подвиг смелую ведьму придушить голыми руками.

Смерть от удушения, впрочем, как любая другая, в мои планы в ближайшие лет сто двадцать не входила, поэтому зелье я искала особенное, добротное и долгоиграющее. Чтобы хватило и на разрыв соглашения, и на новую свадьбу, и на вручение знака семьи, когда-то принадлежавшего моей матери, и на отъезд. В живом гримуаре оно нашлось, но по мере чтения мои глаза круглели. Больше и больше...

Мало что от меня требовали спрятать в кровати Калеба какую-нибудь личную вещь Люсиль, отданную ею добровольно, так она лично должна была напоить будущего влюбленного приворотом. Я понятия не имела, как собрать их вместе: кузину, жениха, приворот, и еще без вьедливой, внимательной тетки Мириам. Да пока такая возможность подвернется, я окажусь замужней госпожой Грэм!

– Брунгильда, ты вообще ополоумела?! Это что, любовная отравка или наивысшая магия?! Может, мне еще – демоны дери! – голой на кладбище станцевать, чтобы этот приворот сработал?!

Гримуар немедленно попытался захлопнуться, мол, не хо-

чешь, ищи в какой-нибудь паршивой кулинарной книге, я ловко подставила палец, который немедленно зажало между страницами. К слову, больно.

– Бругильда, не обижайся. Я поняла: танцевать не надо, а то с кладбища все призраки разбегутся. Дашь переписать состав зелья?

Она стиснула мой палец еще сильнее.

– Пожалуйста.

Норовистый гримуар сжалился и раскрылся. Я потрясла освобожденной рукой. Какое счастье, что у него не отрасли клыки, иначе давно лишилась бы трети пальцев. Зубастые книги тоже бывают! В библиотеке семьи Реграм хранится черная злая книга. Когда она пробуждается, на обложке появляется ехидная рожа, отдаленно напоминающая человеческую, и пасть. Такая страхолюдина, слов нет!

Получив от гримуара список необходимых ингредиентов, я решила немедленно проверить привезенные запасы. Пришлось вытащить из гардеробной дорожные сундуки и перевернуть кучу шкатулок и ящичков. Гостиная погрузилась в хаос, запах стоял соответственный. Оказалось, что один флакон с валерьяновой настойкой разбился и если бы сейчас в комнате оказался кот, то он потерял бы сознание от счастья.

Устроившись на ковре, я по третьему разу перечитала состав любовного зелья и снова проверила на свет отобранные флаконы. От пристрастного изучения ни рецепт, ни скудость бутылочек не менялись. Заковыристых ингредиентов

по-прежнему оставалось много, а запасов столько, что кот, придя в себя от обморока, наверное, наплачет больше.

Любовное зелье предстояло сварить с первой и единственной попытки. Никакого права на ошибку! Если что-то пойдет не так, а как показала жизнь, пойти не так может что угодно, придется придумывать очередной план.

Я вытащила пробку из флакона с пионовой настойкой, мрачно приняухалась и скривилась. Пахли остатки настойки как останки... Хуже смердела разве что одинокая жабы лапка, такая жалкая, засушенная и худенькая, что ее искренне хотелось похоронить, а не сварить. Видимо, поэтому она и осталась забытой в холщовом мешочке. И только кровь невинной девицы, у нормальных-то ведьм самый трудно добываемый ингредиент, у меня имелась в достатке. И даже в избытке.

– Эннари, ты спишь?... – раздался над ухом четкий голос Калеба.

От неожиданности рука дернулась, и флакон со злосчастной пионовой настойкой едва не кувыркнулся на пол. Чуть сердце не остановилось, а по спине побежала капля пота. Я для чего-то оглядела разгромленную комнату, распотрошенные дорожные сундуки. Приоткрытое окно тихонечко постукивало по подставленной шкатулке.

Надо же, как меня пробрало! До варки зелья еще не дошла, ведьмовской котелок не купила, только ингредиенты вместе собрала, а уже цепляет, и голос начинает мерещить-

ся... От греха подальше я поставила флакон на столик, чтобы случайно не разбить.

– Эннари, я должен сказать важную вещь... – вновь произнес этот самый голос.

Пары пионовой настойки были вообще ни при чем! Этот, с позволения сказать, маг посмел бросить зов, которым ловцы выкуривали умертвий из логова! Мне, темной чародейке с высшим образованием и принципами! Страх потерял?!

Я поднялась с ковра с такой проворностью, что в коленке что-то нехорошо хрустнуло, а правую ногу страшно закололо. Прихрамывая, доковыляла до двери и раскрыла. Калёб в целехоньком пиджаке, скрестив руки на груди, с беспечным видом стоял возле своей комнаты. Страх он, похоже, не потерял, а забыл, что его следует испытывать.

– Отправить темной чародейке зов?! – рыкнула я. – Стучаться у нас уже не принято?

– А ты открыла бы? – искренне заинтересовался он.

– Нет! – так же искренне призналась я. – Но зов для умертвий?! У тебя, по-моему, есть запасная жизнь!

– Больше всего меня удивило, что ты его услышала и откликнулась, – с не иссякающей иронией продолжил дразнить он, явно нарываясь на очередное заклятие.

– Приличные чародеи способны различать зовы, – процедила я, начиная злиться. – И если ты его не слышал, то поздравляю: чародей из тебя паршивый, зря тратил деньги на учебу.

За спиной от сквозняка громко захлопало окно, с подоконника что-то грохнулось. Надеюсь, не шкатулка. В ней хранились серебряные булавки с черными жемчужинами для проклятых кукол, ради шутки подаренные Холтом. Пару раз этими булавками я подкалывала разорвавшийся подол, а как ими пользоваться по прямому назначению, понятия не имела и не особенно интересовалась, но приятель любил делать очень странные подарки.

– Что хотел? – спросила я.

– Хотел предупредить, чтобы ты поставила полог тишины вокруг кровати, – неопределенно кивнул он.

– Ты так громко храпишь по ночам, что надумал меня разбудить и посоветовать наколдовать полог? – фыркнула я. – Очень мило. Не в курсе, что спящий соседского храпа не слышит?

– Ты все равно не спала. Что у тебя происходит? – Калёб разглядел разгром за моей спиной и, похоже, немало ему удивился.

– Ищу, какую книжку почитать на ночь, – хмыкнула я. – У тебя все?

– Послушай доброго совета и поставь полог. В замке идет ремонт. Поверь, завтра утром ты будешь мне очень, очень благодарна, – невпопад ответил он. – Или тебе нужна помощь с пологом?

Так я тебя и пустила в свое царство хаоса.

– Справлюсь, – хмыкнула в ответ.

– Спокойной ночи, Эннари.

– Ты вызывал меня зовом для мертвецов и все еще считаешь на спокойную ночь? Да ты оптимист, – покачала я головой.

– Придешь меня разбудить? – В его глазах сверкнул веселый огонек.

– Мучайся от любопытства, – хмыкнула я, скрываясь в своей комнате.

К тому времени, как с проверкой запасов, вычислением рецептуры и прочей мелкой подготовкой было покончено, замок Истван накрыла глубокая ночь. В окно струилась прохлада, стояла первозданная тишина. Я захлопнула рабочий гримуар, размяла ноющую шею и оглядела царящий хаос. Убираться не возникало никакого желания, но просыпаться утром в бардаке хотелось еще меньше. Терпеть не могу спать в захламленных помещениях!

По комнате закружились многочисленные магические предметы, складывались на дно сундуков шкатулки, вставляли в ящички флаконы с эликсирами. Крышки закрывались с деликатным стуком, щелкали застежки и скрипели замки. Мне в лоб чуть не прилетела запоздавшая бутылочка со змеиным ядом. Еле успела увернуться и от греха подальше убралась в банную комнату. К тому времени, как я умылась и переделалась ко сну, вещи себя собрали сами, послушные сундуки вернулись в гардеробную. О царившем полчаса назад хаосе напоминал лишь слабый запах валерьянки.

Наступили самые темные и тихие ночные часы. Луна мерцала особенно ярко, и ее свет заглушал деликатное подмигивание звезд. Сон жителей замка был самым глубоким, спокойным. И коль я наконец собралась спать, то была обязана пожелать сладких снов жениху.

– Кaleb... – позвала, вкладывая в голос магический зов, который был способен преодолеть любой полог тишины.

Тут-то в голую пятку и вонзилась какая-то колючая дрянь. Взвизгнув, я едва не рухнула на пол.

– Святые демоны, помогите!

От всплеска магии в лампах истерично замигали нервные светляки. Половина немедленно издохла от страха, вторая едва-едва затеплилась. Комната мигом погрузилась в грозный полумрак. Матерясь, как портовый грузчик, я запрыгала на одной ноге, кое-как извернувшись и вытащила впившуюся колючку, видимо, выпавшую из какого-то мешочка во время хаотичной уборки.

– Гадость-то какая!

Внезапно раздался страшный треск разломанного косяка. Чудом не слетевшая с петель дверь бронзовой ручкой с грохотом выбила из каменной кладки песок. Я не впервые поминала все демонов, притом всем бестиарием, не выбирая выражений, но впервые они откликнулись. Да еще на какую-то паршивую колючку в пятке. Умеют же рогатые удивлять!

Но в дверной проем вошел вовсе не демон, а с полоумным видом ворвался взлохмаченный, босой Кaleb в пижамных

штанах, буквально слепящий крепким обнаженным торсом. На кончиках пальцев трещало какое-то заклятие. Оно поднимало с пола щепки и отбрасывало голубоватый свет, окрашивая руку, тело и лицо резкими тенями.

– Эннари!

При виде меня, остолбеневшей от изумления, он резко остановился, словно налетел на невидимую стену. Грозные искры боевого заклятия растаяли с едва заметным белесым дымком.

– Ты в порядке, – резюмировал он, буравя меня характерным ледяным взглядом.

– Почему я должна быть в беспорядке? – не в силах справиться с ехидной улыбкой, уточнила я.

– Ты отправила призыв о помощи, – тихо произнес он.

– Ох...

Наконец до меня дошло, что магический зов не просто разбудил жениха-соседа, но и принес крик о помощи. Вопила-то я знатно, пока скакала на одной ноге и пыталась вытащить колючку.

– И что, ты правда кинулся меня спасать?

– Да, – резко и очень серьезно бросил он.

Повисла пауза. Мысль, что кому-то пришло в голову защищать ведьму, вообще-то, от которой обычно все пытаются защититься, показалась ужасно забавной. У меня вырвался громкий издевательский смешок, прозвучавший – должна признать – кощунственно в напряженной тишине.

Лицо Калеба окаменело. Он сорвался с места, стремительно уменьшая расстояние между нами. Если на ковре или полу еще валялись колючки, то от ярости он их не заметил.

Глава 3. Охотница за привидением

На меня надвигался полуобнаженный взбешенный мужчина, и вдруг стало чуточку невесело. У него был отличный торс со всеми нужными кубиками и убегающими под завязку штанов косыми мышцами. Безусловно, на практических занятиях по темной магии я видела мужские торсы и порельефнее – однокурсники чуть что сразу скидывали рубашки, но ни один из этих парней всерьез не хотел свернуть мне шею. Да они боялись подходить ближе чем на три шага! Во многом безопасной дистанции (или зоне отчуждения?) способствовал Холт, умеющий так проникновенно посмотреть на приятелей, что мысль подкатить ко мне с какой бы то ни было стороны в них издыхала быстрее, чем успевала родиться.

Но Холта в Истване не было, а Калев был и плевать хотел на благопристойные расстояния. К слову, надо записать в рабочий гримуар ценное наблюдение, что сразу после пробуждения у него напрочь отсутствует чувство юмора, и потом этим знанием обязательно воспользоваться раз пятьдесят.

– Замри, Калев Грэм!

– Не в этот раз... – отрывисто бросил он и ворвался в мое личное пространство.

На кончиках пальцев заклубилось заклятие. Я занесла руку, но выпустить магию не успела – противник крепко сжал

запастье, без колебаний воспользовавшись физическим превосходством. Зато новый удар пропустил. Не исключая, что не по рассеянности, а просто дал мне фору.

Я мазнула кончиками пальцев прежде, чем он перехватил и вторую руку, удерживая без особых сантиментов и скидок на женственность. По мужскому плечу, ключице и горлу с резко дернувшимся кадыком разлетелась снежная порошка. Половина лица, ресницы на левом глазу и бровь побелели. Волосы покрылись снегом.

Магический холод успел куснуть жертву, но не прокусить, и темные чары погасли прежде, чем пришла отрезвляющая боль. Кaleb даже не поморщился. Как все нормальные светлые чародеи, в отличие от Вайрона он использовал защиту.

Схватка закончилась ничьей: он меня пленил, а я обожгла ему плечо.

– Ты знаешь сказку о мальчике и волке, маленькая Энни? – хрипловатым голосом тихо спросил Кaleb, не сводя взгляда с моих губ. На его груди и ключицах дрожали капли влаги, с растаявших волос капала вода. Прозрачно-льדיстые глаза потемнели. Возможно, это было простой игрой тени и света.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – процедила я, хотя догадывалась, к чему клонился разговор.

– Мальчик так жаждал внимания взрослых, что соврал о нападении волка, а потом его съели.

– Волка?

– Мальчика.

– Какой грустный конец нравоучительной истории.

– Никогда больше так не поступай! Не глупи, как тот мальчик.

Он дышал злостью и был совершенно не восприимчив к витающему в воздухе успокаивающему запаху валерьянового корня. Никакого толка от разбитого флакона. Видимо, у настойки закончился срок годности.

– Отпусти, – потребовала я, страшно задетая его словами.

Калёб разжал горячие пальцы, но не отошел. Мы стояли так близко, что я практически касалась обнаженного мужского торса грудью, прикрытой лишь тонкой материей. Кому-то следовало отступить. В этот раз шаг назад первым сделал он.

– По-моему, ты ошибаешься на мой счет, – быстро проговорила я, не понимая, как шутка могла перерасти в серьезную потасовку, какая пружинка распрямилась внутри Калёба, что его, фигурально выражаясь, подбросило. – Ты действительно думаешь, что кто-то сможет меня съесть? Ты сам вытащил ведьму из шкафа.

– Я считал, что помогал тебе прийти в чувство и перестать изображать жертву, но ты застряла в том шкафу на девять лет, Эннари. Вылези и попытайся повзрослеть.

Скользящим движением он убрал с лица спутанные мокрые волосы и в гробовом молчании вышел из моих покоев. Через разломанный дверной проем я наблюдала, как он

скрылся в комнате, подчеркнуто тихо прикрыв дверь. Я своей шарахнула бы, но была лишена такой привилегии: мою-то дверь он выбил, когда бросился спасать ведьму, которой вообще спасения не требовалось. Говорю, никакого чувства юмора!

Через час запас юмора закончился и у меня. За окном постепенно серело небо, комната медленно куталась в седые предрассветные сумерки. Должно быть, где-то далеко к горизонту подступало солнце, готовое осветить финальный день лета. Я не спала ни минуты, а входная дверь по-прежнему держалась на честном слове. Проклятиями, мертвенными зовами и доведением мужиков до бешенства я владела лучше, чем бытовой магией. Увы и ах... Плюнув на выбитый замок, я заколдовала дверной проем и, упав на кровать, заснула лицом в подушку.

* * *

Грохот был душераздирающий, зубодробильный, адский! Казалось, кто-то огромный и безжалостный крушил каменные стены. Я резко села на кровати, не понимая, где нахожусь, почему над головой не побеленный потолок, а фиолетовая тряпка. Диковатым взглядом обвела комнату, не сразу узнавая обстановку. Не без труда удалось собрать мысли и припомнить, что накануне я вернулась в Истван, поселилась в гостевой башне и знакомого потолка из общежитской

каморки или даже лепнины из шикарного загородного дома семьи Реграм здесь просто не было. Зато грохота имелось сколько душенька захочет. Хоть рассовывай его по бутылкам, как отловленных призраков, и продавай за пару медных монет на рыночной площади, чтобы любой желающий имел возможность этим ужасающим шумом известить ненавистных соседей.

На улице страшно бабахнуло. Я слетела с кровати с такой проворностью, словно в матрасе распрямилась пружина и острым концом ужалила меня в нежный филей. Едва не снеся с подоконника злосчастную шкатулку с булавками и даже готовая эти булавки применить по прямому назначению, я высунулась в открытое окно гостиной. Кaleb не соврал: в учебной башне полным холодом шел ремонт.

– Эй вы там, на третьем этаже учебной башни! – добавив голосу мощности с помощью нехитрого заклятия, проорала я. – Вы ее рушите, что ли? Тогда свалите, я сама ее разрушу! Быстро и очень тихо!

В башне наступила гробовая тишина, да и вообще окрестности замка светлых чародеев подозрительно притихли. Абсолютно все, даже ветер.

– Темная хозяйка, не гневайся! – высунулся из башенного окна, пока еще похожего на сквозную дыру, бородатый мастер-каменщик (или кем он там был). – Солнце уже высоко, работать пора.

Солнце встало, но, справедливо говоря, приличные лю-

ди еще лежали в кроватях и досматривали благопристойные сны, окружив себя пологом бесшумности. И только кое-кто – на себя пальцем не показывают – проигнорировал, как оказалось, дельный совет...

Втянувшись обратно в комнату, я закутала окна заклятием бесшумности и затемнила стекла от солнца. Теперь и грохот стих, и свет потерял пронзительную яркость. Спи – не хочу! Вот я и не хотела – по обыкновению, колдовство с утра пораньше и на гудящую голову напрочь отбило сон. Оставалось подавить зевоту, привести себя в порядок и отправиться в соседний городок за ведьмовским котелком. Приворот сам себя не сварит, чародей сам собой в правильную кухню не влюбится, а готовить зелье было решительно не в чем. Обычная кастрюля приворотную смесь не выдержит и прохудится еще до закипания, а брать магический котел у теток не возникало желания.

Когда Эбби по-дедовски пафосно прислала записку, я практически собралась и напоследок, глядя в зеркало с длинной ручкой, красила губы алым цветом. В воздухе блеснула вспышка, занялся огонек, и из пламени выплелось послание, написанное на половинке листа дорогой бархатистой бумаги с личным вензелем Эбигейл Истван. Кстати, и Мириам, от которой сбежал муж, и вдовушка Летисия, и все их дети носили фамилию Истван – дед настоял.

«Почему бы нам не позавтракать вместе?» – задавалась очень странным вопросом кузина.

– Потому что у меня закончились порошки от изжоги и несварения, – честно ответила я в пустоту и одним касанием спалила приглашение. От листочка даже пепла не осталось.

«У меня планы в городе», – отправила огненное послание, но подумала и добавила следующую записку: «Но спасибо за приглашение».

Быстренько пристегнув к поясу кожаный кошелек, я дернула на выход. Отчего-то казалось, что новая дружелюбная Эбби, словно призрак, выйдет из зеркала в гардеробной, подхватит меня за руку и утащит к себе в логово завтракать пирожными.

Сняв с дверей защитное заклятие, я вышла из комнаты. Мигом стало слышно, как за пределами башни колотили, ругались и что-то ломали. Наверное, прорубали еще один выход.

Пару минут пришлось потратить на чары. Дверь затянула непрозрачная, липкая паутина, такая красивая, что, увидев ее, настоящий паук зашелся бы в аплодисментах. Конечно, если бы пауки были разумны и умели хлопать. Зато теперь любой Вайрон, не понимающий намеков, что посторонним в покои вход воспрещен, будет вынужден или бороться с ловушкой, или ждать моего возвращения, изображая плененную муху. Страхнув с рук остатки магии, я развернулась и обнаружила Калеба, с непроницаемым видом наблюдавшего за превращением обычной двери в паучье логово.

– Это не для красоты, – пояснила я. – Ты вчера разломал

дверь, пришлось опечатать. Здорово получилось?

Он бросил последний убийственный взгляд на заколдованную дверь, видимо, тем самым выразив все, что думает по поводу художественной ценности паутины, и молчком начал спускаться по лестнице. Я зашагала следом. Каблуки стучали в такт грохоту, доносящемуся из учебной башни.

– Как спалось? – спросила у вихрастого мужского затылка.

Калёб так резко развернулся, что от неожиданности я шатнулась туда-сюда и схватилась за перила, стараясь не свалиться ему на грудь.

– Святые демоны! Ты чего по утрам такой внезапный?!

Нас разделяло расстояние в пару ступенек, стирающее разницу в росте. От жениха пахло мыльной пеной для бритья и по-мужски холодным благовонием, ужасно ему подходящим. Если присмотреться, а я с интересом присматривалась, от виска до подбородка и ниже, под жесткий воротничок крахмальной белой рубашки, убегал белесый след от вчерашнего заклатья.

Не поднимая взгляда от моих покрашенных губ, Калёб произнес бесстрастным голосом:

– Прости меня. Очень жаль. Поступок был глупый и неосмотрительный.

– Что-то я не очень понимаю, – нервно улыбнулась я.

Может, магический холод успел не просто куснуть, а вгрызться в плоть и теперь у Калёба чуточку шалит сознание?

– У тебя лихорадка? – Я даже потянулась, чтобы потрогать лоб, но под гнетом тяжелого взгляда прозрачно-ледяных глаз задушила порыв в зародыше и от греха подальше спрятала руку за спину.

– Не стоило кричать среди ночи и звать на помощь ради шуток, – продолжил он. – Но темные никогда не извиняются. Так, Эннари?

До меня наконец дошло, что товарищ жених вовсе не помутился рассудком от колдовства, а заделался в преподаватели по этикету.

– Почему я должна просить прощения за то, что ты не понимаешь шуток?

– Дурацкая шутка, и ты сама об этом знаешь, – спокойно парировал он.

– У нас точно разные понятия о веселье, – покачала я головой. – Кaleb, отзови родовую печать и разорви соглашение, пока не поздно. Очевидно, что мы не сживемся и друг друга поубиваем... Возьми Эбигейл. Она влюблена в тебя.

– Знаю, – не повел он даже бровью.

– Святые демоны, ты такая скотина! – искренне восхитилась я потрясающим самомнением.

– Я просто не слепой, Эннари, – спокойно парировал он. – И да, мне не все равно, на какой кухне жениться.

– Тогда почему я? – изогнула бровь.

Его взгляд скользнул по моему лицу и вновь остановился на губах, словно они не давали ему покоя или притягивали,

как магнитом.

– Вряд ли ты осознаешь, как красива, когда искренне смеешься, – ответил он. – Завораживающее зрелище.

Он сумел удивить меня настолько, что на целых две секунды я потеряла дар речи, а когда все-таки его отыскала на задворках сознания, то смогла лишь спросить:

– Ты приезжал в Деймран? Когда?

– Когда ты была с тем парнем, – пояснил Калевб, развернулся и начал спускаться, скользя ладонью по перилам.

– Он чародей, – вырвалось у меня.

– Я уже в курсе...

* * *

Для поездки в соседний город я специально попросила открытую коляску, чтобы вытравить из головы образ нахального жениха, умеющего шокировать девушек почище выскочившего из-за угла умертвия. На последнего хоть понятно, как реагировать: печать усмирения в рожу и в саркофаг. Как воспринимать слова Калеба, было неясно, и я решила подумать об этом когда-нибудь потом, под дурное настроение.

В окрестностях замка угасало лето. Последний день августа ласкал мягким, ненавязчивым теплом, но в потоках воздуха, омывающих лицо, уже ощущалось прохладное дыхание осени. Я любила это угрюмое время года, мы гармонировали. Особенно нравилось, когда уставшая от цветения при-

рода выгорала дотла и в дурном расположении духа впадала в зимнюю спячку. Удивительные дни, спокойные и неотвратимые.

Коляска вкатила в городские ворота, миновала здание почты, заменяющее междугородний вокзал, и побежала по улицам. Строения вокруг были невысокие, в один-два этажа, с серыми черепичными крышами и каминными трубами. На подоконниках пестрели цветы в горшках, на узких балкончиках сушилось белье. Перед мэрией стоял бронзовый отец-основатель, повернутый к главному зданию города задом, а к улицам передом. На башке у него и на плечах сидели голуби.

Сговорившись с кучером, что вернусь через пару часов, я зашагала в сторону торговых рядов. На входных дверях и на вывесках были щедро рассыпаны магические символы. Местные гордились тесной связью с замком и не стеснялись демонстрировать соседям, прохожим и конкурентам. Только на таверне не нашлось никаких знаков, а из открытых окон плыл умопомрачительный запах пирога с требухой, жареной капусты и чего-то еще, несомненного вкусного.

Все знают, что покупки лучше делать на сытый желудок – так они приносят больше радости. Да и вряд ли в посудную лавку резко нагрянет шабаш ведьм, скупит все подчистую чугунные котелки и оставит меня ни с чем, в смысле, с пламенным желанием сварить приворот и с какой-нибудь паршивой сковородой...

Предвкушая сытный завтрак, не чета тем, что подавали в

разных кондитерских, я пересекла улицу и вошла в таверну. В нос ударила волна съедобных запахов и не очень съедобных. Последние я предпочла не заметить и, стуча высокими каблуками, перешагнула через порог.

Небольшой обеденный зал практически пустовал. На низком потолке тяжело крутил лопасти ветродув, разгоняющий воздух. Магия в нем уже почти иссякла, видимо, заговаривали пару лет назад. Я уселась за стол возле стены, под полкой с толстыми оплывшими свечами.

Дородная подавальщица с лету заявила:

– У нас только жареная капуста и пирог со свиной печенкой...

– Несите! – громко сглотнув, с придыханием согласилась я, но тут же добавила: – И мягкого козьего сыра с зеленью. Еще кусок хлеба с отрубями. Хотя постойте! Лучше несите сразу полбулки, все равно съем. И яичницу со шкварками, как у них!

Я указала в сторону почти пустой сковородки на соседнем столе. Парни, с энтузиазмом выскребывающие со дна яичницу, синхронно поперхнулись и схватились за стаканы.

– И кофе, – попросила на всякий случай, хотя не питала надежд отыскать здесь благородный напиток.

– Есть селегерский квас с хреном, – отозвалась несколько ошарашенная подавальщица. – Бочонок только открыли, хрен только натерли. Все свеженькое.

Невольно я повернула голову к винной стойке, за которой

хозяин в фартуке разливал по глиняным кувшинам из бочонка нечто пенное.

– Яблочный взвар с медом, – решила я. Пить по утрам известное похмельное средство для приличной особы явный перебор. Конечно, яблочный взвар тоже часто употребляли на большую голову, но у девушек голова может болеть просто так, от переизбытка умных мыслей.

Угощение расставили на столе. От кружки со взваром пахло августовскими яблоками. Скворчала на деревянной подставке чугунная сковорода с желтыми яичными глазками. Дымком исходил горячий пирог с луком и кусками печенки, одуряюще пахла мелко нарубленная, жаренная в масле капуста. Я взялась за вилку, сняла пробу и с удовольствием запила взваром...

Вдруг со всего маха раскрылась дверь таверны, и внутрь ввалился взмыленный тип в торчащей из-под жилета рубашке, пыльных штанах и нарукавниках, дотянутых до локтей. Тяжело дыша, словно неся галопом от самого замка, он замер на пороге, оглядел зал и бросился к моему столу. Не спрашивая разрешения, выхватил у меня из рук чашку со взваром и сделал несколько жадных глотков.

– Что вы делаете? – возмутилась я.

Он выставил указательный палец, давая понять, что девицам за столом следует молча и с благоговением следить, как он заглатывает их напиток. Скрестив руки на груди, я наблюдала за грабежом и искала три веские причины, почему не

стоит проклинать нахала.

– Здравсте, госпожа чародейка! – объявил наконец тип, стукнув опустевшей кружкой о стол.

– У меня на лбу написано, что я чародейка?

– Нет, мне сказали, что из замка приехала коляска.

Взмахом руки отправив подавальщицу обратно за стойку, он уселся за мой стол и с облегчением проговорил:

– Какое счастье, что наш призыв был наконец услышан! Знаешь, прошлый чародей, которого прислали, ничегошеньки не умеет! Вообще ничего! Я раньше тебя не видел. Давно приехала в замок?

Он схватился за кусок хлеба и принялся тыкать им в яичницу на сковородке.

– Вчера, – ответила я, мысленно гадая, что закончится быстрее: наглость незнакомого типа, пожирающего мой божественный завтрак, или яичница.

– Новенькая ученица пресветлого? – уточнил он.

– Быть точнее – внучка, – кивнула я.

У странного типа вытянулось лицо. Дернув кадыком на худой шее, он сглотнул, осторожно отложил хлеб и вытер рот рукавом, вернее, нарукавником, прикрывающим рубашку.

– Темная Истван? – осторожно спросил он, словно опасался оказаться проклятым. – Эннари Истван?

Не пойму, он обрадовался или испугался? Может, моим именем местных детишек пугают, мол, не будешь слушаться, придет ведьма Энни и съест на обед, а я-то и не в

курсе о грохочущей славе.

– А вы?

Типчик медленно поднялся из-за стола. Думала, что даст стрекача, но он вдруг дернул головой и отрапортовал:

– Добро пожаловать в Сартар, госпожа чародейка! Помощник мэра Боуз! – Он протянул через стол руку для рукопожатия, но быстро опустил. – Единственный и бессмертный!

Я удивленно изогнула брови.

– Ой! – побагровел помощник лицом. – Я хотел сказать: бессменный. Вообще бессменный и единственный. Не бессмертный...

– В общем, ясно, – перебила я.

Он кашлянул и спросил с большим пиететом:

– Можно присесть, госпожа чародейка?

– Вы уже присаживались.

– И то верно... – Он снова плюхнулся на лавку. – Так вы сможете нам помочь, да? Понимаете, говорят, что новый назначенный из столицы мэр крут характером. Он скоро появится, а мы еще от старого не избавились.

– Хотите старого проклясть? – с искренним любопытством спросила я и невольно проследила, как нервные руки мэрского помощника потянулись к корзинке со столовыми приборами, притулившейся на краю стола, а потом извлеченная вилка потянулась к моей едва-едва пощипанной яичнице.

Ох, не зря он оговорился. Точно бессмертный!

– Господь с вами, госпожа чародейка! – как будто испугался этот бессрочный секретарь. – Просто из здания мэрии выставить никак не можем. Понимаете, какое горе!

Он сделал резкий выпад вилкой к содержимому сковороды, но под действием неощутимого заклятия длинные зубцы остановились ровнехонько возле еды, словно яичница их отталкивала, как однополярный магнит.

– А стражей не пытались привлечь?

Мы оба отвлеклись от занимательной борьбы вилки с магией и переглянулись.

– Стражи тут не помощники. – Боуз предпринял еще одну резкую попытку напасть на еду, потерпел полное фиаско и с несчастным видом облизал чистые зубцы.

– Бывший мэр очень буйный? – предположила я.

– Что ж, и буйный, – вздохнул помощник, откладывая вилку. – И мертвый.

Я подавилась на вдохе.

– Запейте яблочным взваром, госпожа чародейка. Очень рекомендую, – спохватился Боуз и протянул мне кружку, но обнаружил, что она безнадежно пуста, и позвал подавальщицу: – Фанни, дай, что ли, селегерского квасу!

– В каком смысле мертвый? – наконец проговорила я, когда подавальщица поставила перед неожиданным нахлебником целый кувшин пенного напитка и чистый стакан.

– А какие тут еще смыслы? – отозвался он. – Умер наша

душенька мэр с месяц назад, а на тот свет никак не отбудет. Как вышел из портрета в кабинете, так никакими средствами не выкуривается.

Какая чудесная новость! Нет... то, что мэр дал дуба, ужасно печально. Скорбим и помним. В смысле, скорбят и помнят те, кто его знал при жизни. Но бесхозный, никому не нужный и никем не приголубленный призрак открывает такие головокружительные перспективы, что сейчас голова от наплыва фантазии лопнет!

– Госпожа чародейка, вы меня слушаете? – позвал Боуз, и я поймала себя на том, что мечтательно улыбаюсь, представляя, как переселю злого духа в дедовский кабинет. – Мы вызвали из замка ученика пресветлого, который нам в прошлом *годе* зачаровал статую отца-основателя от, так сказать, голубиных неприятностей. Он три часа возле кабинета мэра колдовал, потом сказал, что сбегает в замок за какими-то артефактами на пять минуточек и вернется. Неделю уже ждем. Время-то поджимает, а мэр наш бывший – уже поскорее бы царство ему небесное – никак бранный мир не покинет!

Помощник в отчаянье хлебнул кваса, скривился и с омерзением отодвинул стакан.

– Забористо, – пояснил сиплым голосом. – Угоститесь?

– Воздержусь, – отказалась я.

– Мы хотели позвать его супругу, чтобы она пришла и призвала мэра к совести, но госпожа сказала, что умерло, то умерло, и позавчера укатила в столицу. На постоянное ме-

стожительство. А мужа своего нам оставила! Такая оказалась безответственная дама!

– Сочувствую.

– Значит, поможете? Да? – Он заглянул мне в лицо. – Да?! Естественно! Кто такой шанс подгадить деду упустит?

– Я смотрю, вы в отчаянии, – покачала головой.

– Не поверите, госпожа чародейка, в таком отчаянии, что сегодня с утра уже три седых волоска выдрал! Скоро весь поседею... а потом полысею.

Невольню я покосилась на рыжеватые кудри, аккуратно прилизанные пчелиным воском.

– Так и быть, помогу, – с недовольным видом, словно делала огромное одолжение, что в принципе так и было, согласилась я и кивнула на стол: – Оплатите еду.

– Я? – оторопел помощник мэра. – Но я ведь ничего не ел.

– Но вы же желаете бывшего начальника отправить в лучший мир?

– Да, но... – Он оглянулся через плечо, проверяя, не подслушивают ли нас хозяин и немногочисленные посетители. – Не хотел затрагивать щекотливый вопрос, но мы уже оплатили замку тридцать монет.

– Они не включали темную магию, – напомнила я. – Темной магии нужна оплата. Иначе призрак вернется обратно в кабинет, и вы точно поседеете, господин Боуз. Отдайте мелочовкой, иначе потом обойдется дороже.

– Почему? – тихо спросил он.

– Расценки вырастут.

– Тогда мы дождемся, когда из замка пришлют светлого чародея. У вас же там чародеев много проживает, – попытался он меня шантажировать.

– Прекрасно, – мило улыбнулась я. – Дождитесь. Вечером я им напомню, что вы ждете. Всего доброго, господин помощник. Передавайте привет новому мэру и мое почтение старому...

Я взялась за вилку и с заинтересованным видом начала отскребать яичницу.

– С другой стороны, сколько еще ждать? – нервно улыбнулся Боуз и поднялся из-за стола. – Пойду с хозяином расплачусь.

– Идите, – с трудом сдерживая издевательскую ухмылку, благословила я на растрату.

Что-то бормоча под нос, он понуро потрусил к тавернице, с интересом следящему за нашими переговорами. Особенно не прислушивалась, но, кажется, помощник мэра ловко уместил и связал в одном предложении аферистов, ведьм и славный род чародеев, живущий в замке в окрестностях города. Хотя, конечно, дураку было известно, что именно город стоял в окрестностях Иствана.

– Кстати, господин помощник, возьмите бутылку вина! – крикнула я ему в спину.

Бедняга Боун так резко обернулся, что едва не потерял равновесие.

– Прямо сейчас?! – В лице и в голосе читалось искреннее возмущение. – Утро на дворе!

– Не поверите, но я заметила, – издевательски прижала я руку к сердцу.

Онемев от возмущения, он пару раз открыл и закрыл рот, а потом все-таки вернулся с бутылкой вина, заткнутой пробкой.

– Я купил белое игристое, – буркнул помощник и снова уселся на лавку. – Подойдет?

– Да без разницы. Бутылка для господина мэра, – пожалала я плечами, закусывая практически холодной яичницей.

– Он же бестелесный, – не понял Боуз.

– И что? – сощурилась я.

– Нет-нет, ничего! Он и при жизни весьма уважал белое игристое, – помахал помощник руками и не удержался: – Долго мы будем завтракать?

– А вы куда-то торопитесь? – отозвалась я, спокойно намазывая мягкий сыр на хлеб. – Поверьте, издох... умерший мэр куда не исчезнет.

– Я больше боюсь, что живой возникнет, – пробормотал Боуз и печально прихлебнул селегерского кваса. К середине кувшина он перестал морщиться и, кажется, даже подправил настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.